

Антипассивные показатели в тундровом ненецком языке

Стенин Иван Андреевич, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва); ystein88@gmail.com

В статье рассматриваются словообразовательные показатели тундрового ненецкого языка, функция которых может быть названа антипассивной. Присоединение их к глагольной основе затрагивает синтаксический статус Р-участника двухместного переходного глагола, а также может накладывать определённые семантические или прагматические ограничения на интерпретацию Р-участника. Антипассивизация в тундровом ненецком языке тесно связана с имперфективизацией, что типологически ожидаемо. С одной стороны, к антипассивизации могут приводить имперфективирующие деривации, в первую очередь из зоны предикатной множественности. С другой стороны, показатель *-ηko*, который может быть назван специализированным антипассивом, присоединяется исключительно к переходным глаголам и в обязательном порядке приводит к имперфективизации и детелизации. В то же время он не исключён из актуально-длительных контекстов, хотя в большинстве типичных употреблений предполагает низкую степень идентифицируемости Р-участника, его нереферентный, неопределённый или генерический статус. Аналогичные эффекты в сочетании с переходными глаголами приносит показатель Имперфектива *-tə/-nə*, однако он присоединяется также к непереходным перфективным глаголам. Специально обсуждаются морфонологические ограничения на показатель *-ηko*, а также конкуренция Антипассива и Имперфектива. Отдельно комментируются также данные других северносамодийских языков. Система в лесном ненецком похожа на тундровую ненецкую. В отличие от ненецких языков, в лесном энецком языке антипассивные конструкции малочисленны и периферийны, а в нганасанском языке их не обнаруживается в принципе.

Ключевые слова: тундровый ненецкий язык, самодийские языки, антипассив, глагольные категории, актантные деривации, имперфективизация

ANTIPASSIVE MARKERS IN TUNDRA NENETS

Ivan A. Stenin, HSE University (Moscow); ystein88@gmail.com

The article deals with the Tundra Nenets word-formation markers, which can be called antipassive. Their attachment to the verb stem affects the syntactic status of the P-argument of the two-place transitive verb and may also impose certain semantic or pragmatic constraints on the interpretation of the P-argument. Antipassivization in Tundra Nenets is closely related to imperfectivization, which is typologically expected. On the one hand, imperfectivizing derivations, primarily associated with the zone of predicate plurality, can lead to antipassivization. On the other hand, the marker *-ηko*, which can be called a specialized antipassive, attaches only to transitive verbs and necessarily leads to imperfectivization and detelicization. At the same time, it is not excluded from episodic contexts, although in most typical uses it implies a low degree of identifiability of the P-argument, its non-specific, indefinite, or generic status. The Imperfective marker *-tə/-nə* brings similar effects in combination with transitive verbs, but it is also attached to intransitive perfective verbs. Morphophonological restrictions on the distribution of the marker *-ηko* are specially discussed, as well as the competition between Antipassive and Imperfective. Data from other Northern Samoyedic languages are also commented on. The system in Forest Nenets is similar to the Tundra Nenets one. In contrast to the Nenets languages, antipassive constructions are few and peripheral in Forest Nenets, while in Nganasan they are not found at all.

Keywords: Tundra Nenets, Samoyedic languages, antipassive, verbal categories, valency-changing derivations, imperfectivization

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 19-78-10139 «Аргументная структура, залог и актантная деривация в языках Западной Сибири». Автор выражает благодарность анонимным рецензентам за замечания.

1. Введение

В тундровом ненецком языке существуют словообразовательные показатели, присоединение которых к глагольной основе затрагивает синтаксический статус Р-участника двухместного переходного глагола, который при этом смещается из позиции прямого дополнения в позицию косвенного или вообще не может быть выражен поверхностно. Подобные морфосинтаксические эффекты рассматриваются в данной работе как антипассивизирующие, а глагольные показатели, которые могут приводить к ним, — как антипассивные. Такое понимание опирается на определения антипассивной конструкции, используемые в типологических работах последних лет. В [Сай 2008: 98] антипассивной конструкцией называется «...**маркированная**, т. е. противопоставленная базовой, аргументная конструкция, в которой семантически присутствующий в пропозиции **Р-участник** оказывается **удалён (опущен или смещён в косвенную позицию)** из позиции, которую он занял бы в **соотносительной базовой переходной конструкции**». Ср. схожие, хотя и не идентичные формулировки в [Heaton 2017]¹ и [Janic, Witzlack-Makarevich 2021]². Как и для других актантно-значимых преобразований, определения могут включать или не включать требование присутствия поверхностно выраженного показателя, ответственного за изменение диатезы. В частности, это требование содержится в качестве первого пункта рабочего определения антипассива в [Heaton 2017: 2]³. В настоящей статье рассматриваются только те преобразования, которые сопровождаются морфологическим маркированием на глаголе.

Тундровый ненецкий язык не упоминается в большинстве недавних типологических работ, посвящённых как общим, так и частным аспектам антипассивных конструкций [Сай 2008; Spreng 2010; Janic 2013; Vigus 2018; Janic, Witzlack-Makarevich (eds.) 2021; Seržant et al. 2021], а также в наиболее известной типологической базе данных WALS [Polinsky 2013]. В новой базе данных Grambank [Huntington-Raine 2023] тундровый ненецкий атрибутирован со ссылкой на грамматику [Nikolaeva 2014] как язык, в котором отсутствуют и аналитический, и морфологически связанный показатели антипассива⁴. Ис-

¹ «...the following four criteria constitute the working definition of ‘antipassive’ (...):

1. There is an overt marker for the antipassive construction;
2. The antipassive clearly corresponds to an unmarked or less marked bivalent transitive construction;
3. The agent of the transitive construction is preserved, while the patient is either inexpressible or optionally expressed in an oblique phrase;
4. The antipassive construction is intransitive» [Heaton 2017: 63].

² «...the antipassive is defined as an intransitive construction meeting the following conditions: (i) the same verb with the same lexical meaning (i.e. implying the same number of participants and the same participant roles) can be also found in a transitive construction; (ii) the agent-like (A) argument in the transitive construction is encoded as the sole argument (S) of the intransitive construction in the corresponding antipassive construction; (iii) the patient-like (P) argument in the transitive construction is either encoded as an oblique or left unexpressed in the corresponding antipassive construction» [Janic, Witzlack-Makarevich 2021: 2].

³ Один из рецензентов просит обязательно пояснить со ссылками на литературу используемую здесь терминологию, которая, по его мнению, не является общепринятой, поскольку «традиционно об антипассиве говорят применительно к эргативным языкам». В ранних работах, когда термин «антипассив» был только введён, он действительно использовался по отношению к эргативным языкам; в них, помимо возможного показателя на глаголе, об антипассивизации свидетельствует изменение маркирования не только Р-участника, но и А-участника. Однако существование в языках с доминантной аккузативной стратегией кодирования ядерных актантов такой деривации, которая может быть названа антипассивной, неоднократно отмечалось в литературе [Lazard 1989; Сай 2008; Chamogean 2008; Janic 2013]. Стремление закрепить понятие антипассива исключительно за эргативными языками не представляется плодотворным, поскольку искусственно создаёт видимость абсолютного несходства между близкими процессами в разноструктурных языках. Ср. описание антипассива во многих морфологически эргативных языках, где его употребление не регулируется ограничениями на те или иные синтаксические правила (социальное сокращение, релятивизация и т. п.): бежтинский [Кибрик 2003: 612], тантынский даргинский [Сумбатова 2013], чаморро [Cooreman 1988] и пр. Данный терминологический аспект, а также возможная корреляция между наличием маркированного антипассива и стратегией кодирования ядерных актантов обсуждаются в обзорной статье [Heaton 2020], из которой следует, что в последнее время практика использования термина «антипассив» применительно к языкам с доминантной аккузативной стратегией является устоявшейся. В [Heaton 2017] идентифицирован 41 номинативно-аккузативный язык с морфологически маркированным антипассивом.

⁴ В отношении признаков «GB303: Is there a phonologically free antipassive marker (“particle” or “auxiliary”)?» и «GB148: Is there a morphological antipassive marked on the lexical verb?» тундровому ненецкому сопоставлено значение «0», что предполагает либо отсутствие в источнике упоминания явления, либо эксплицитное утверждение о его отсутствии.

ключениями являются диссертация [Heaton 2017] и обзор [Heaton 2020], где тундровый ненецкий, также со ссылкой на [Nikolaeva 2014], кратко обсуждается как пример номинативно-аккузативного языка с прототипической антипассивной конструкцией⁵.

В [ibid.: 226—227] действительно содержится краткий раздел, где перечислены суффиксы, образующие производные непереходные глаголы, в частности показатели *-ŋko* ~ *-ncyo* (трактуемые там как варианты, с оговоркой, что последний характерен для западных диалектов)⁶, а также *-tə/-də/-nə*. В разделе приведены три сентенциальных примера, в каждом из которых смещённый Р-участник выражен именной группой в пролативе мн. ч. (что, согласно И. А. Николаевой, характерно для западных диалектов, тогда как в восточных диалектах образуемые с помощью названных показателей производные глаголы в норме являются одноместными), в том числе следующий, где представлен непереходный имперфективный глагол *serota-ŋko-* ‘солить, заниматься засолкой’, образованный от переходного перфективного глагола *serota-* ‘засолить’.

- (1) *xalya-qm^ona səcy^o serota-ŋko-^o nyí tara-q*
 рыба-PL.PROL очень солить-ANTI-CVB NEG.GFS[3SG.S] быть.нужным-CN
 ‘One shouldn’t salt fish too much’ [ibid.: 226].

В [Терещенко 1947: 180—181] суффиксы *-ŋko* и *-tə/-də/-nə* рассматриваются как показатели «вида несовершенного действия». Отмечается, что глаголы, маркированные данными показателями, в финитных формах употребляются с референцией к будущему времени, а в неопределённой форме (инфинитиве) — в непереходных контекстах, даже если исходный непродуцированный глагол является переходным⁷. Синкретизм суффиксов *-ŋko* и *-tə/-də/-nə* в их имперфективно-антипассивной и футуральной функциях будет кратко затронут ниже.

Подробное обсуждение показателей *-ŋko* ~ *-ncyo* и *-tə/-də/-nə*, а также *-ko* и некоторых других более периферийных⁸ можно найти в [Терещенко 1956: 115—131], где они уже рассматриваются в разделе, посвящённом категории (не)переходности. В работе предполагается, что синтаксическая непереходность семантически переходных глаголов в тундровом ненецком, как правило, получает морфологическое выражение с помощью названных показателей, которые являются достаточно продуктивными и присоединяются в том числе к новым освоенным заимствованиям из русского языка, ср. *доѣздо(сь)* (неперех.) ‘дойти’. Н. М. Терещенко последовательно сопоставляет глаголы, маркированные данными показателями, с дуративными дериватами, образованными с помощью *-(m)pə* от тех же исходных переходных глаголов, и демонстрирует, что первые всегда используются непереходно, а вторые — переходно.

Основная цель данной статьи — дать обзор тундровых ненецких глагольных показателей, присоединение которых может приводить к смещению Р-участника переходного глагола с позиции прямого дополнения или его удалению из клаузы, а также обсудить связь антипассивизации и имперфективизации в тундровом ненецком языке.

Главное утверждение состоит в том, что в тундровом ненецком число таких показателей велико (более пяти) и большинство не является специализированными антипассивными показателями, при этом среди них есть те, которые обязательно приводят к антипассивизации, в частности как минимум один (*-ŋko* с исторически палатализованным вариантом *-ncyo*), для которого антипассивная функция — основная. Всегда, когда происходит антипассивизация, она сопровождается имперфективизацией.

В других северносамодийских языках число, состав и статус подобных показателей значительно варьируют. В тех аспектах, в которых это позволяют оценить имеющиеся данные⁹, лесной ненецкий об-

⁵ Утверждения о наличии в тундровом ненецком языке морфологического показателя, главной функцией которого является антипассивизация, содержатся также в докладе [Стенин 2013], на котором в значительной мере основана настоящая статья.

⁶ Упоминается также «-ŋkur», однако он очевидным образом является сложным и состоит из обсуждаемого показателя *-ŋko* и Фреквентатива *-r*.

⁷ Также в этом разделе упоминается суффикс *-ko*, который тоже образует непереходные глаголы несовершенного вида, но не формы будущего времени.

⁸ Показатель *-ko* в данной работе считается ещё одним вариантом показателя *-ŋko*. Также упоминаются показатели «-р», «-л», однако на самом деле рассматриваются глаголы, оканчивающиеся на *-pə* (релевантные примеры глаголов на *-lə* отсутствуют), где последним деривационным показателем, по-видимому, как раз ответственным за детранзитивизацию и удаление Р-участника, является *-ə*, ср. *syator-ə* ‘кусаться’ < *syator-* ‘перекусать, искушать’.

⁹ Материал тундрового ненецкого и других северносамодийских языков, привлекаемый к рассмотрению в рамках данной статьи, взят из опубликованных источников (в первую очередь словаря [Терещенко 1965] и корпуса сентенциальных примеров из него [Salminen 2023a]) и цитируемой литературы. Отдельные примеры из тундрового ненецкого, приводимые без ссылок, получены в ходе собственной полевой работы автора в с. Антипаюта Тазов-

наруживает значительную близость с тундровым ненецким, тогда как энецкая и нганасанская системы организованы принципиально иначе.

Статья устроена следующим образом. В разделе 2 с опорой на предшествующую литературу даётся краткий обзор тундровых ненецких показателей, основная функция которых ассоциируется с зоной предикатной множественности и аспектуальных дериваций, но которые могут приводить одновременно к актантно-значимым преобразованиям клаузы, в том числе к антипассивизации. В разделе 3 рассматривается тундровый ненецкий многофункциональный показатель *-ko*, который создаёт непереходный имперфективный глагол. В разделе 4 обсуждается основная антипассивная стратегия — деривация на *-ηko* в тундровом ненецком (и когнатный показатель в лесном ненецком), при этом раздел 4.1 посвящён обзору деривационного потенциала и функций этого показателя, а раздел 4.2 — обсуждению морфонологических ограничений, связанных с ним, а также конкуренции Антипассива на *-ηko* и Имперфектива на *-ta/-na*. В разделе 5 называются остальные непродуктивные показатели, которые могут приводить к антипассивизации в тундровом ненецком. Раздел 6 специально посвящён вопросу об антипассивизации при образовании отглагольного имени инструмента в тундровом ненецком. В разделе 7 даются комментарии относительно существования антипассивных показателей в лесном энецком и нганасанском языках. В разделе 8 подводятся итоги.

2. Фреквентатив, Итератив и Имперфектив: взаимодействие аспектуальной и актантной деривации

В тундровом ненецком языке многие имперфективирующие¹⁰ аспектуальные или плюракциональные деривации (за исключением Дуратива *-(m)pa* и Хабитуалиса *-syatə*) могут приводить к такому изменению диатезы, которое затрагивает синтаксический статус одного или обоих ядерных участников и приводит к интранзитивизации клаузы. Эта особенность тундровой ненецкой глагольной системы рассматривалась в [Июсад и др. 2005; Шлуинский 2005].

В примерах (2)—(4) иллюстрируются актантные модификации, происходящие при образовании Фреквентатива, чья семантика в значительной степени связана с нетождественностью пациентивного участника: исходный каузативный глагол переходный, фреквентативный дериват от него не может иметь прямое дополнение в аккумулятиве, Р-участник при нём выражен именной группой в пролативе мн. ч., т. е. с помощью синтаксически периферийного падежа.

(2) *ler°kəbt°h xurka-xəwa pe-m mənca-bta-°*
вдруг какой-AFF камень-ACC шевелиться-CAUS-GFS[3SG.S]
'Вдруг он задел какой-то камень' [Терещенко 1965: 227].

(3) *wanya pya-qt°na mənca-btor-ηa*
Ваня дерево-PL.PROL шевелиться-CAUS.FREQ-GFS[3SG.S]
'Ваня качает деревья' [Шлуинский 2005: 290].

(4) **wanya pya-m mənca-btor-ηa*
Ваня дерево-ACC шевелиться-CAUS.FREQ-GFS[3SG.S]
Ожидаемое значение: 'Ваня качает дерево' [там же].

ского района Ямало-Ненецкого автономного округа в 2011 г. Примеры из лесного энецкого языка, приводимые без ссылок, взяты из корпуса текстов, собранного О. В. Ханиной, А. Б. Шлуинским и др. Примеры из лесного ненецкого языка, приводимые без ссылок, взяты из коллекции текстов, записанной под руководством С. И. Бурковой и Н. Б. Кошкарёвой (тексты записаны в орфографии без диакритик; сайт, на котором они были опубликованы, в настоящее время недоступен). Нганасанские примеры взяты из «Устного корпуса нганасанского языка» [Вьукіпа et al. 2018]. Примеры из тундрового ненецкого языка приводятся в транскрипции Т. Салминена. Нижнее подчёркивание в строке оригинала обозначает вслед за [Salminen 1998] отсутствие уверенности в точности фонемизации. Глоссы в примерах из разных источников унифицированы. За описанием формальной морфологии тундрового ненецкого языка читатель может обратиться к работам [Salminen 1997; 2023b].

¹⁰ Категория вида в тундровом ненецком языке (и в других северносамодийских языках; подробнее о нганасанской и энецкой системах см. [Гусев 2012; Шлуинский 2017]) имеет словоклассифицирующий характер. В строке глоссирования перфективные основы переведены русскими инфинитивами совершенного вида, имперфективные — инфинитивами несовершенного вида. В ненецком языке вид глагольной леммы определяется по последнему словообразовательному показателю (не считая транскатегориальных показателей и клитик). В примерах ниже перфективирующими являются Трансформатив *-m* и различные каузативные показатели (также к ним принадлежат как минимум Инхоатив *-l(ə)* и Моментатив *-xəl*), имперфективирующими — остальные показатели.

В примерах (5)—(7) по той же схеме демонстрируется возможный эффект присоединения показателя Итератива к переходному глаголу¹¹. Итератив часто предполагает «дезагентивизацию» ситуации [там же: 297] и смену двухвалентной номинативно-аккузативной диатезы на одновалентную номинативную, при которой в позиции S оказывается Р-участник, а А-участник удаляется из ситуации. Переходная клауза с итеративным дериватом также невозможна.

- (5) *wasya nyebuya-mta məy°-m-la-°*
 Вася мать-ACC.POSS.3SG обрадоваться-TRSF-CAUS-GFS[3SG.S]
 ‘Вася обрадовал мать’ [там же: 294].
- (6) *nyebuya-da məy°-m-la-ŋkə-°*
 мать-POSS.3SG обрадоваться-TRSF-CAUS-ITER-GFS[3SG.S]
 ‘Его мать радуется’ [там же].
- (7) **wasya nyebuya-mta məy°-m-la-ŋkə-°*
 Вася мать-ACC.POSS.3SG обрадоваться-TRSF-CAUS-ITER-GFS[3SG.S]
 Ожидаемое значение: ‘Вася радуется мать’ [там же].

В статье [Татевосов 2017], специально посвящённой актантно-акциональным свойствам Итератива в малоземельском тундровом ненецком, утверждается, что в исследованном говоре с точки зрения аргументных свойств Итератива выделяются две грамматические подсистемы, в одной из которых существуют переходные итеративные дериваты. С позиций того, что в предшествующей литературе известно о глагольной деривации в тундровом ненецком, такая возможность выглядит как минимум необычно. Относительно «нормальных» итеративных дериватов от переходных глаголов в работе формулируется следующее обобщение: если предикат специфицирует дескриптивные свойства подсобытия, участником которого является внешний аргумент, то именно он становится подлежащим при итеративном деривате в субъектном спряжении, иначе подлежащую позицию занимает внутренний аргумент. Это обобщение звучит достаточно естественно, однако опубликованные данные малоземельского тундрового ненецкого, которые были собраны в рамках экспедиций МГУ им. М. В. Ломоносова в п. Нельмин-Нос в 2003—2005 гг., в отношении многих морфосинтаксических аспектов стоят особняком¹², поэтому их сложно комментировать.

Итератив, по всей видимости, в принципе ограниченно сочетается с переходными предикатами. При Фреквентативе изменение диатезы наблюдается только в части случаев и является лишь косвенным эф-

¹¹ В словаре Н. М. Терещенко крайне мало итеративных дериватов от глаголов, которые имеют только переходные употребления. Пример (i) заимствован из фольклорного источника и представляет собой своеобразный контекст: декаузативизации (наряду с итеративизацией) подвергается не только глагол ‘снять; развязать’, но и ‘надеть’ — от последнего в принципе не ожидается, что он будет допускать декаузативизацию в каком-либо языке, т. к. его семантика включает агентивно-ориентированные компоненты значения (ср. наблюдения в [Падучева 2001]). Кроме того, наряду с глаголом *yeka-ŋkə-* (снять-ITER) существует также более ожидаемый *yeka-rə-ŋkə-* (снять-DECAUS-ITER) ‘1) отвязываться (например, о верёвке, ремне); развязываться, распускаться (например, об узле); 2) сниматься (об одежде, об обуви) <постоянно>’ [Терещенко 1965: 92].

(i) *syobuya-da xər-ta yeka-ŋkə-°*,
 капюшон-POSS.3SG сам-POSS.3SG снять-ITER-GFS[3SG.S]
xər-ta syer°-ŋkə-°, səcy° myer°h ŋædali
 сам-POSS.3SG надеть-ITER-GFS[3SG.S] очень быстро ехать.на.легковой.нарте.GFS[3SG.S]
 ‘Очень быстро едет — капюшон его одежды сам снимается, сам надевается’ [там же: 551].

Один из рецензентов отмечает, что (i) не предполагает декаузативизации, а является примером так называемого потенциального пассива. Позволю себе не согласиться с этим утверждением. Существуют различные понимания декаузатива и потенциального пассива, а также, по-видимому, случаи, промежуточные между декаузативными и (потенциально-)пассивными употреблениями, но при любом стандартном понимании потенциальный пассив с референцией к настоящему времени предполагает указание на свойство (возможность или невозможность осуществления некоторой ситуации), тогда как (i), очевидно, реферирует к конкретной динамической ситуации в актуальном мире.

¹² Впрочем, автор указанной статьи оговаривает, что все «наблюдения и обобщения отражают языковую реальность малоземельского говора в варианте п. Нельмин[-]Нос на момент проведения там полевого исследования (2003—2005 гг.) и полученные данные не могут быть механически, без дополнительных исследований, перенесены на весь тундровый ненецкий язык» [Татевосов 2017: 223].

фектом, сопровождающим его первичную функцию, т. е. предикатную плюрализацию и изменение аспектуальных характеристик клаузы. Точные условия появления этого эффекта нуждаются в специальном исследовании.

Следующие примеры иллюстрируют модели управления при исходном переходном глаголе *yaŋka-* ‘продолбить, прорубить’ (8) и имперфективном деривате от него *yaŋka-nə-* ‘долбить, прорубать’ (9). При присоединении Имперфектива интранзитивизация клаузы происходит регулярно. Р-участник либо не выражается поверхностно, либо выражается именной группой в пролативе (если референт Р-участника является счётным, то обычно соответствующая именная группа принимает форму пролатива множественного числа).

(8) *salaba-m yaŋka-nə-bcuŋ-kəna yaŋka-sy^o*
лёд-ACC прорубить-IPFV-VN.INSTR-LOC прорубить-CVB
‘прорубить лёд пешней’ [Терещенко 1965: 844]

(9) *salaba-w^ona yaŋka-nə-sy^o*
лёд-PROL прорубить-IPFV-CVB
‘долбить лёд’ [там же: 845]

В отдельных случаях при присоединении Имперфектива к переходному глаголу можно наблюдать преобразование по декаузативному сценарию, когда А-участник удаляется из структуры ситуации, а Р-участник продвигается в позицию подлежащего. В примере (10) представлен переходный глагол *lyadaq-* ‘1) расколоть, переколоть, наколоть (дрова)’, а в примере (11) — имперфективный дериват *lyad^o-tə-*, употреблённый в контексте метафоры из семантического поля боли и реализующий, по всей видимости, нестандартную для данного глагола диатезу. В [там же: 208] в качестве его первого значения приводится ‘заниматься раскалыванием, колкой (дров)’, при котором должна фигурировать диатеза с удалением Р-участника (а не А-участника).

(10) *tə-ŋar^o pya-qŷa-m lyada^o xəy^odye-we-da*
тот-величина дерево-AUG-ACC расколоть.CVB легко.расколоть-NARR-3SG.O
‘Он легко расколол такое большое [срубленное] дерево’ [там же: 722].

(11) *ŋəwa-myi lyad^otə^o*
голова-POSS.1SG расколоть-IPFV-GFS[3SG.S]
‘У меня раскалывается голова от боли’ [там же: 208]¹³.

Имперфектив сочетается также с непереходными глаголами, ср. примеры (12)—(13):

(12) *nədo-h syak^ona xarw^o wadyo-wi^o*
яр-GEN горный.кряж.LOC лиственница вырасти-NARR[3SG.S]
‘На горном кряже выросла лиственница’ [там же: 608].

¹³ В отчёте [Шлуинский 2004] приводится ряд переходных глаголов, при присоединении к которым Имперфектива сценарий интранзитивизации клаузы такой же — с сохранением Р-участника и продвижением соответствующей именной группы в позицию подлежащего. Там фигурируют следующие глаголы подобного типа: «*majam-la-*» ‘обрадовать’, «*sal-ra-*» ‘вернуть’, «*xaw-da-*» ‘повалить’, «*loxom-da-*» ‘вскипятить’. В работе [Иосад и др. 2005: 174] предпринимается попытка найти то общее, что объединяет такие глаголы (в качестве примеров приводятся «*xəmda-bta-*» ‘пролить’ и «*loxom-da-*» ‘вскипятить’), и делается вывод о том, что при имперфективной деривации «удалению агенса или каузатора подвергается большинство глаголов, в структуре которых есть каузативная деривационная морфема». По крайней мере для части таких глаголов предлагаемый вывод, возможно, неверен и основан на неточной транскрипции. Так, приведённый в указанной работе в качестве примера глагол «*loxomdanə-*» ‘закипать’, вероятно, является двойным Имперфективом (что широко отмечается в западных говорах — ср., например, пометы в [Salminen 1998], — на материале одного из которых и сделаны обобщения) *loxom-tə-nə-* от непереходного глагола *loxom-* ‘закипеть’, а не обычным от каузативного глагола *loxomta-* ‘вскипятить’. В [Шлуинский 2004] можно найти также примеры переходных глаголов, которые в сочетании с Имперфективом не обнаруживают никаких изменений диатезы, ср. «*rišila-pta-*» ‘рассмешить’, содержащий каузативную морфему, и «*ŋatje-*» ‘ждать’. Во всяком случае относительно *ŋəye-nə-* ‘ждать, ожидать, дожидаться’ помета <неперех.> и примеры в [Терещенко 1965] и моих полевых материалах говорят о том, что он является двухместным непереходным глаголом. Эти наблюдения снова свидетельствуют о том, что данные говора п. Нельмин-Нос в том виде, в котором они зафиксированы экспедицией МГУ им. М. В. Ломоносова, существенно отличаются от представлений о потенциале глагольных дериваций в других (центральных и восточных) говорах тундрового ненецкого; ср. также замечания в [Салминен 2017].

- (13) *məraŋka-q teb^olə-^o wadyo-də-^o-q*
 морошка-PL быть.редким-CVB вырасти-IPFV-GFS-3PL.S
 ‘Морошка растёт редко’ [там же: 684].

Поскольку Имперфектив сочетается и с переходными, и с непереходными глаголами, логично считать его показателем именно аспектуальной деривации, а модификацию аргументной структуры — лишь следствием аспектуального/плюракционального преобразования, хотя и обязательным при присоединении к переходным глаголам.

3. Показатель *-ko*

Тундровый ненецкий показатель *-ko* (в лесном ненецком ему соответствует *-qko*), формально совпадающий с показателем диминутива, присоединяется как к переходным, так и к непереходным, как к перфективным, так и к имперфективным основам¹⁴; в [Salminen 1998] приведено более 60 глаголов. Если показатель *-ko* присоединяется к переходному глаголу, смещённое прямое дополнение может быть выражено именной группой в дативе (14), пролативе (15), послеложной группой (16) или быть не выражено поверхностно (18), (20), (22). Исходные переходные глаголы по соображениям объёма иллюстрируются лишь в ряде случаев, ср. *toxola-* ‘1) научить (кого-л. чему-л.); 2) выучить (что-л.)’ в (17), *məq^ola-* ‘1) собрать, набрать (кого-что-л.)’¹⁵ в (19) и *xetə-* ‘сказать, рассказать’ в (21).

- (14) *yiryike-r^o yinya-h mal^o-xəna yuno-n^oh sad^o-ku*
 дедушка-POSS.2SG верёвка-GEN конец-LOC лошадь-DAT побить-QXO.GFS[3SG.S]
 ‘Дедушка бьёт лошадь верёвкой’ [Терещенко 1965: 521].

- (15) *xadeso-qməna ləba-ko-wəncy^o xə-x^o-nyih*
 смола.OBL-PL.PROL отломать-QXO-SUP пойти-NORT-1DU.S
 ‘Пойдём отколупывать серу лиственницы’ [там же: 159].

- (16) *nyebu-a-da ŋəsyeki^o-q yeqm^onyuə sqx^or-ku¹⁶*
 мать-POSS.3SG ребёнок-GEN.PL ради уберечь-QXO.GFS[3SG.S]
 ‘Мать заботится о детях’ [там же: 539].

- (17) *yedey^o syo-m toxola-^o-waq*
 новый песня-ACC выучить-GFS-1PL.S
 ‘Мы выучили новую песню’ [там же: 672].

- (18) *škola-xəna toxol-ku-d^om*
 школа-LOC выучить-QXO.GFS-1SG.S
 ‘Я учусь в школе’ [там же]¹⁷.

¹⁴ Иногда *-ko* присоединяется к связанным основам, которые может быть сложно охарактеризовать с точки зрения вида и переходности.

¹⁵ Глагол *məq^ola-* проявляет Р-лабильность и по крайней мере в некоторых диалектах употребляется также непереходно в формах рефлексивного спряжения в значении ‘собраться, сойтись (в одном месте)’. Однако дериват *məq^olko-*, очевидно, образован от переходного употребления исходного глагола *məq^ola-*.

¹⁶ У меня нет примера, который иллюстрировал бы непроизводный глагол *sqx^ora-* ‘уберечь (кого-л.)’, однако есть пример с дуративным дериватом от него. Примечательно, что Дуратив, самая продуктивная имперфективирующая деривация, никогда не затрагивает аргументную структуру; ср. следующий пример:

- (i) *ŋəsyeke-mt^o sqx^ora-mp^o-bə-t^o tara-^o*
 ребёнок-ACC.POSS.2SG уберечь-DUR-COND-POSS.2SG быть.нужным-GFS[3SG.S]
 ‘Тебе надо заботиться о ребёнке’ [Терещенко 1965: 538].

¹⁷ Согласно [Терещенко 1965: 672] и другим источникам, непереходный глагол *toxol-ko-* в большеземельском и западных говорах имеет значение ‘учить, обучать, заниматься обучением, преподавать’, тогда как в восточных говорах — ‘учиться, обучаться’. Эти два различных употребления глагола *toxol-ko-* можно считать антипассивными деривациями от двух употреблений исходного глагола *toxola-* ‘1) научить (кого-л. чему-л.); 2) выучить (что-л.)’. Иными словами, с позиции прямого дополнения смещаются аргументы с различными ролями: в одном случае — одушевлённый участник, в другом — неодушевлённый.

- (19) *myima-nta syer^oh tudaku ŋoka-w^ona məq^ola-wi^o*
идти.NMLZ.IPFV-GEN.POSS.3SG POSTP гриб.ACC.PL многих-PROL собрать-NARR[3SG.S]
‘По дороге она собрала много грибов’ [там же: 251].
- (20) *xər-ta ŋanyih məq^ol-ko-wa-nta syer^oh*
сам-POSS.3SG опять собрать-QXO-NMLZ.IPFV-GEN.POSS.3SG POSTP
nyalyi-da pudara-^o: «*tyonyu-kocyow^oq, tyonyu-kocyow^oq!*»
рот.RESTR-POSS.3SG осыпаться-GFS[3SG.S] лиса-PEJ.EXCL.(PL) лиса-PEJ.EXCL.(PL)
‘Собирая [грибы], сама приговаривает: «Лисички, лисички!»’ [там же: 485].
- (21) *ŋob wada-ko-m nyaənt^o xet^o-ŋku-d^om*
один слово-DIM-ACC у.DAT.POSS.2SG сказать-FUT.GFS-1SG.S
‘Я скажу тебе одно словечко’ [там же: 31].
- (22) *ŋəsyeki^o-q nya-x^otoh xet^o-ku-q*
ребёнок-PL товарищ-DAT.PL.POSS.3PL сказать-QXO.GFS-3PL.S
‘Ребята передразнивают друг друга’ [там же: 804].
- Во всех примерах выше присоединение показателя *-ko* не только создаёт непереходную структуру из переходной, но и приводит к имперфективации¹⁸. По крайней мере в последнем случае толкование производного глагола содержит дополнительное семантическое приращение: от нейтрального глагола речи *xetə* ‘сказать’ образуется глагол поведения *xet^o-ko* ‘передразнивать’.
- Присоединение показателя *-ko* к исходному непереходному перфективному глаголу также приводит к имперфективации, хотя может быть и не ограничено ей¹⁹, ср. *nyaqn^o-ko* ‘1) заниматься (чем-л.) от нечего делать; 2) бездельничать’ < *nyaqnə* ‘выполнить (какую-то утомительную, нудную, трудоёмкую работу); устать (от чего-л. утомительного, нудного, трудоёмкого)’. Сочетаемость с непереходными имперфективными глаголами и семантические эффекты, приносимые показателем *-ko* в таком случае, иллюстрируются в примерах (23)–(28).
- (23) *pyisya-ko wər^onə^o*
мышь-DIM бежать-GFS[3SG.S]
‘Бежит мышка’ [там же: 47].
- (24) *xəbew^oko nara sira-w^ona wər^onə-ku*
куропатка весна.до.ледохода снег-PROL бежать-QXO.GFS[3SG.S]
‘Куропатка бежит по снегу’ [там же: 47] («подчёркивается меньшая быстрота бега, чем у гл. *варна(сь)*»).
- (25) *nya-w^o way^okəbtyo-^o lax^onə-ə-sy^o*
товарищ-POSS.1SG быть.возбуждённым-CVB говорить-GFS[3SG.S]-PST
‘Мой товарищ говорил возбуждённо’ [там же: 37].
- (26) *nya^ompara ŋə-wi^o, xu-ryi-mna tə-ryi-mna tæryi lax^ona-ku*
разговорчивый быть-NARR[3SG.S] как-RESTR-PROL так-RESTR-PROL просто говорить-QXO.GFS[3SG.S]
‘Он оказался разговорчивым, говорит о том, о сём’ [там же: 347].
- (27) *yid^o-h xəw^o-xəna nyo-daq xurcu-q, ŋəmke-ryi-h ŋəwa-m yesy^om-tye-ŋku-daq*
вода-GEN бок-LOC NEG.IMP-2PL.S шуметь-CN что-RESTR-GEN голова-ACC болеть.TRSF-CAUS-FUT.GFS-2PL.S
‘Не шумите около воды, вызовете головную боль у хозяина воды’ [там же: 377].
- (28) *xada-da ŋob-kəd^o xurc^o-ku-sy^o*
бабушка-POSS.3SG один-ABL шуметь-QXO.GFS[3SG.S]-PST
‘Бабушка всегда не выносила шума’ [там же: 785].

Ср. также *wimi^o-ko* ‘петь задумчиво’ < *wimtə* ‘тянуться, литься (о песне)’, *myúsy^o-ko* ‘медленно перекочёвывать, ехать с аргишами, аргишить, никуда не торопясь’ < *myúsyə* ‘кочевать, ехать с аргишом, аргишить’, *toda-ko* ‘сушиться, обогреться, наслаждаясь теплом огня’ < *toda* ‘1) греться, обогреться (у огня); 2) топиться (о печи); 3) разводить жертвенный огонь’, *yoro-ko* ‘забавляться, шутить’ < *yoroq* ‘дразнить (кого-л.) (шутя)’.

¹⁸ Число непроизводных имперфективных переходных глаголов в тундровом ненецком языке крайне невелико, поэтому отсутствие примеров на сочетаемость суффиксов с ними не является показательным.

¹⁹ Примеры такого рода единичны, поэтому не позволяют делать обобщения.

Как следует из последней группы примеров, функция показателя *-ko* в сочетании с изначально непереходными имперфективными глаголами с трудом поддаётся обобщению: иногда это как будто операция над шкалой интенсивности, как в случае *wəɾ^onə-kə-* и *tuɣ^osu^o-kə-* (где дериват, как кажется, указывает на пониженную скорость движения по сравнению с исходным непроизводным глаголом)²⁰, иногда можно говорить о некотором сужении значения, как в случае *lax^ona-kə-*, который используется прежде всего в контексте речевого взаимодействия (исходный глагол *lax^onə-* также часто употребляется при указании на те или иные характеристики речи и в контекстах вроде «говорить по-ненецки»), иногда эффект следует признать идиосинкратическим, ср. *xurc^o-kə-* ‘не выносить шума’ < *xurcə-* ‘шуметь’.

В ряде примеров *-ko* выступает как вербализатор, ср.: *tuɣ^osu^o-kə-* ‘играть в мяч’ < *tuɣ^osu^o* ‘мяч’, *tuɣ^odye-kə-* ‘играть в чум’ < *tuɣ^oaq* ‘чум’, (*tira-*)*nyiy^o-kə-* ‘играть в палочки (палочки кладутся на ладонь, перебрасываются на тыльную часть руки и снова на ладонь)’ < *nyiy^o* (на-ADJ) ‘верхний, находящийся сверху’, *nyidyiko-* ‘постоянно заниматься чем-л., мастерить’ < *nyida* ‘рука’, ям. *waq^ow^o-kə-* ‘отображать в игре жизнь в чуме’ < *waq^ow^o* ‘спальное место в чуме; постель’. В примере (29) представлен глагол б.-з. и м.-з. *yuny^oe-kə-* ‘расспрашивать’ < *yun^o* ‘известие, весть’.

- (29) *xə-wi^o* *nyɛbya-w^ona-nta* *yuny^oe-kə^o* *nyɪ* *tara-q*
 умереть-PT.PFV мать-PROL-OBL.POSS.3SG весть-QXO-CVB NEG.GFS[3SG.S] быть.нужным-CN
 ‘Не надо расспрашивать об его умершей матери’ [там же: 814].

По-видимому, независимо от того, от какой основы образован дериват на *-ko* (от именной или от глагольной, от переходной или от непереходной, от перфективной или от имперфективной), он может иметь не только хабитуальную, но и эпизодическую интерпретацию, при которой та или иная ситуация происходит в момент наблюдения²¹. Ср. (24), а также (30)—(31) ниже (к единичной, а не к хабитуальной ситуации отсылают и нефинитные формы в (15) и (20)).

- (30) *ɲɛsɛyeki^o-q* *xoɣ^o-h* *yɛdyoɣ^o* *yad^o-h* *nyɪ-d^o*
 ребёнок-PL холм-GEN покаты́й склон-GEN на-ABL
xəna-kə-x^oqna *pyɪsy^on-cawey^o-h* *yɛdyey^o-ku-q*
 нарта-DIM-LOC.PL смех-PROPR-GEN покато́сть-QXO.GFS-3PL.S
 ‘Дети со смехом катаются на санках с покато́го склона холма’ [там же: 88].

- (31) Вадин нисява” нинарыхыда надм”, <...> небяна” ня’ лаханаку:
nyɛbya-naq *ny^oa^h* *lax^ona-ku*
 мать-GEN.POSS.1PL с говорить-QXO.GFS[3SG.S]
 ‘Мои слова (наш) отец как будто не услышал, <...> с (нашей) матерью разговаривает’
 {далее следует прямая речь} («Няръяна вындер». Вып. № 116 (20028) от 17 октября 2013 г.
<https://nvinder.ru/article/vypusk-no-116-20028-ot-17-oktyabrya-2013-g/1584-nyarmodana-hubta>).

Таким образом, данная деривация не предъявляет никаких конкретных требований к исходному предикату, но всегда создаёт непереходный имперфективный глагол, являющийся представителем вендлеровских деятельностей (activities), т. е. динамический неопредельный предикат. Можно сказать, что она ориентирована на результат, а не на источник (ср. product-oriented vs. source-oriented generalizations

²⁰ В связи с этим представляет интерес синкретизм рассматриваемого *-ko* и транскатегориального показателя диминутива *-ko*, однако данный сюжет, очевидно, выходит за рамки статьи. Согласно [Nikolaeva 2014: 137], диминутивный суффикс невозможен на финитном глаголе, но он присоединяется к некоторым нефинитным формам, в частности к причастиям.

²¹ Этот вопрос ставится, но остаётся без ответа в [Татевосов 2018: 95], где разбираются аргументы А. Ю. Урманчиевой в пользу того, что тундровые ненецкие глаголы с основой на альтернирующий *ə* и (*y*)*o* (в частности, глаголы на *-ko* и *-ɲko*) представляют собой (производные) стививы и образуют естественный семантический класс. В [Урманчиева 2013: 759] непереходные глаголы на *-ko* и *-ɲko* описываются как стививы, характеризующие активный субъект: «Эту группу образуют непереходные дуративные глаголы, описывающие ситуацию как характеристику субъекта; такая ситуация часто семантически предполагает объект, но ситуация представлена не как динамически развивающаяся, когда субъект постепенно реализует определённое действие над объектом, а как стативная, когда предикат используется для характеристики субъекта. У таких глаголов объект не может быть выражен; при этом активная ситуация типа *xəl^ota-* ‘X моет Y’ трансформируется в стививную типа *xəltangko-* ‘X занят мытьём’». Не совсем понятно, что автор имеет в виду под «дуративностью», но примеры, приведённые здесь, как кажется, должны убеждать в том, что формы Аориста глаголов на *-ko* и *-ɲko* могут реферировать к динамически развивающейся ситуации, а также что в ряде случаев эти глаголы допускают выражение объекта в косвенных формах.

в [Bybee 1995] и попытку применения этих понятий к синтаксическим процессам в [Летучий 2014]). Из сказанного можно также сделать вывод, что модификация актантной структуры не является главной функцией показателя *-ko*.

В то же время в тундровом (и в лесном) ненецком языке существует другая деривация, совмещающая аспектуальную и аргументную модификацию и претендующая на статус понижающей актантной деривации в значительно большей степени.

4. Показатель *-ηko* как антипассив

4.1. Деривационный потенциал и функции

Тундровый ненецкий показатель *-ηko* (в лесном ненецком ему соответствует *-(η)ko*), за исключением нескольких случаев, присоединяется к переходным перфективным основам; в [Salminen 1998] приведено около 150 глаголов²². Ср. некоторые примеры:

ηolyeryada-ηko- ‘красить, окрашивать’ < *ηolyeryada-* ‘выкрасить’;

ηeda-ηko- ‘заниматься защитой, обороной’ < *ηeda-* ‘защитить, спасти’;

tola-ηko- ‘1) считать, заниматься подсчётом; 2) читать, заниматься чтением’ < *tola-* ‘1) сосчитать; 2) прочитать’;

pad^ota-ηko- ‘1) делать пёстрым, делать в пятнах; 2) расшивать; заниматься вышиванием; 3) рисовать, заниматься рисованием’ < *pad^ota-* ‘1) сделать пёстрым; 2) расшить, вышить; 3) нарисовать; расписать’.

Дериват всегда имперфективен и может употребляться в различных хабикулярных контекстах, как в (32)—(34) (капацитиве ‘уметь Р’, узитативе ‘иметь обыкновение Р’, квалитативе ‘характеризоваться тем, что Р’, в терминах [Плунгян 2011: 399]), однако, как показывают примеры (36), (38), в которых представлены нефинитные формы от глаголов с показателем *-ηko* (конверб/инфинитив и супин), хабикулярная интерпретация факультативна.

(32) *ηulyiq səwa-w^ona tola-ηku*
очень хороший-PROL сосчитать-ANTI.GFS[3SG.S]
‘Он очень хорошо считает’ [Терещенко 1965: 667].

(33) *nyinyeka-w^o ηoka-w^ona tola-ηku*
старший.брат-POSS.1SG многих-PROL прочитать-ANTI.GFS[3SG.S]
‘Мой старший брат много читает’ [там же].

(34) *xə-^{ta} mənç^oya-xəna-nta wato-nta ηesont^oh yolcyə-ηko-^o torompey^o*
сам-POSS.3SG работа-LOC-POSS.3SG срок-GEN.POSS.3SG до закончить-ANTI-CVB привыкший[3SG]
‘В своей работе он привык всё заканчивать в срок’ [там же: 118].

(35) *učityely^o xasawa ηəcyeki^o-m syidyə čas^o-h pyirət^oh*
учитель мужчина ребёнок-ACC два час-GEN до.DAT
tadey^o knyiga-m tola-^o tabyeda-^o-da
целый книга-ACC прочитать-CVB велеть-GFS-3SG.O
‘Учитель велел мальчику прочитать целую книгу за два часа’.

²² В [Salminen 1998; Nikolaeva 2014] фиксируется также около 10 глаголов с суффиксом *-ncyo*, который можно считать исторически палатализованным вариантом показателя *-ηko*, ср. аналогичное чередование согласных в области именного словоизменения: *ueŋka* (NOM.SG) ‘шаг’ — *ueŋcyi* (ACC.PL). По данным [Nikolaeva 2014: 226], палатализованный вариант характерен прежде всего для западных говоров тундрового ненецкого языка. Потенциально число дериватов на *-ncyo* может быть больше, т. к. они, как правило, отмечаются, наряду с дериватами на *-ηko*, от тех же глаголов — в норме без каких-либо видимых различий в значении. Мне известен один пример, когда семантические различия между двумя вариантами могли закрепиться в некоторой идиолектной (диалектной) системе, что, возможно, связано с наличием у непроизводного глагола *tola-* двух основных значений (перевод ниже предположительный):

(i) Школахана нацекыдо’ хаби” вадам’ тохоламбидо’. Толанзю”, падна”, толанзю”.

tola-ncyu-q, pad^o-nə-^o-q, tola-ηku-q
прочитать-ANTI.GFS-3PL.S написать-IPFV-GFS-3PL.S сосчитать-ANTI.GFS-3PL.S

{В школе их дети [дети хантов, проживающих в Шурышкарском районе] изучают хантыйский язык.}
‘(Они) читают, пишут, считают’ («Нярьяна вындер». Вып. № 77 (19989) от 18 июля 2013 г.
<https://nvinder.ru/article/vypusk-no-77-19989-ot-18-iyulya-2013-g/1080-vadana-ileva-eemnya>).

(36) *učityely^o ɲəcyeki^o-m tadey^o syidyɑ ɕas^o-h tola-ɲko^o tabyeda^o-da*
 учитель ребёнок-ACC целый два час-GEN прочитать-ANTI-CVB велеть-GFS-3SG.O
 ‘Учитель велел ребёнку читать целых два часа’.

(37) *ɲya-r^o ɲyada-q*
 товарищ-POSS.2SG помочь-IMP.2SG.S
 ‘Помоги своему товарищу’ [Терещенко 1965: 337].

(38) *ləbc^or, təqly^ocyuh tu-q ɲyada-ɲko-wəncy^o*
 сплющенный.предмет сюда.ближе.DAT прийти-IMP.2SG.S помочь-ANTI-SUP
 ‘Иди сюда, бездельник, помогать’ [там же: 165].

Дериват на *-ɲko* (TN)/*-(ɲ)ko* (FN) употребляется, когда пациентивный участник является либо генерическим/имперсональным, как в (32)—(34), либо понятным из предшествующего контекста или в ситуации коммуникации, как в (38). В текстовом примере (39) из лесного ненецкого языка сначала названы участники процесса похорон, включая высоко индивидуализированного, одушевлённого (хотя и мёртвого) пациенса, — и в этом контексте употреблён дуративный дериват от глагола *хинта-* ‘похоронить’, сохраняющий валентность на именную группу в аккумулятиве в позиции прямого объекта; в дальнейшем, при обращении к этой ситуации, пациенс не называется ввиду его очевидности и используется антипассивный дериват *хинта-ко-* (40).

(39) ЛЕСНОЙ НЕНЕЦКИЙ (тексты, записанные С. И. Бурковой и Н. Б. Кошкарёвой)
Ҩай мань ви-й талыша Ҩэ-п-та куптаң
 или я ум-POSS.1NPL такой быть-CVB.COND-POSS.3SG долго
мэ-на-даха-[']и неша-ма” хинта-нё-ма-хан-туң.
 находиться-PT.IPFV-APPROX-PST.3[PL].S отец-ACC.POSS.1PL похоронить-DUR-NMLZ.IPFV-DAT-POSS.3PL
 ‘Или мне так кажется, что они долго были, когда хоронили отца’.

(40) *Тайня” чике-хет чики неша-” хинта-ко-”ма-хат-туң Ҩо’кна*
 потом тот-ABL тот человек-PL похоронить-ANTI-NMLZ.PFV-ABL-POSS.3PL вместе
ни-даха-” кай-” тянапомна кан-даха-” тайше” мань чети-те-н.
 NEG-APPROX-3PL.S уйти-CN понемногу отправиться-APPROX-3PL.S так я помнить-SFS-1SG.O.PL
 ‘Потом те люди, после того как похоронили, не все сразу, кажется, уехали, а понемногу уезжали — так я помню’.

В нехабитуальных контекстах выше фигурировали нефинитные формы. Финитные формы возможны в актуально-длительных контекстах с эпизодической интерпретацией (41), хотя такие примеры и встречаются в текстах существенно реже, чем хабитуальные употребления финитных форм.

(41) *wada-xəqnaɲa syita xama-m*
 слово-LOC.PL.POSS.3SG PRON.ACC.POSS.3SG позвать.NMLZ.IPFV-ACC
ɲyi-w^oɲya=w^oh nəmtor^o-q, yet^oh tola-ɲku
 NEG-REP[3SG.S]=DUB услышать.FREQ-CN так.и прочитать-ANTI.GFS[3SG.S]
 ‘Он читает, будто не слышит, что его зовут’ [Терещенко 1965: 33].

Удаление/смещение Р-участника в финитных клаузах типа (41), когда он связан квантором существования, принципиально отлично от возможности поверхностного опущения Р-участника в финитных клаузах с переходным глаголом в форме субъектно-объектного спряжения — ср. *toła-byi-da* (прочитать-DUR.GFS-3SG.O) ‘Он(а) читает (это)’, — правила употребления которого в целом могут быть описаны в терминах информационной структуры. Субъектно-объектное спряжение обязательно, когда предшествующий контекст создаёт для прямого дополнения третьего лица роль (вторичного) топика (см. подробнее в [Dalrymple, Nikolaeva 2011: 127—132; Nikolaeva 2014: 201—212]).

Смещённый пациенсоподобный участник в норме не выражается поверхностно. Однако существует целый ряд примеров, в которых представлен показатель *-ɲcyo* и Р-участник выражается именной группой в пролативе, т. е. используется та же возможность, что и при Фреквентативе и Имперфективе.

(42) *noxa-h ɲudo-qməna wata-ɲcyu*
 пещец-GEN след.OBL-PL.PROL выследить-ANTI.GFS[3SG.S]
 ‘Он выслеживает пещца’, букв. ‘он следует по следам пещца’ [Терещенко 1965: 51].

- (43) *knyiga-qm^ona tola-ncyo-rka^o*
 книга-PL.PROL прочитать-ANTI-ATTEN-GFS[3SG.S]
 ‘Он почитывает книги’ [там же: 667].

Разумеется, эта особенность формального устройства антипассивных клауз нуждается в специальном изучении. Так, при глаголе *nyada-ŋko-* ‘помогать’ исходный Р-участник может быть выражен именной группой в дативе²³, тогда как при непроизводном глаголе *nyada-* ‘помочь’ он маркируется аккумулятивом.

- (44) *ŋarka nya-x^o-toh xancyer^oq*
 большой товарищ-POSS.DAT-POSS.3PL как
nyada-ŋko-wa-mtoh ŋasyeki^o-q xeta^o-doh
 помочь-ANTI-NMLZ.IPFV-ACC.POSS.3PL ребёнок-PL рассказать-GFS-3PL.O
 ‘Дети рассказали, как они помогают старшим’ [там же: 338].

Названные выше особенности позволяют говорить о существовании в тундровом (и в лесном) ненецком языке специализированного²⁴ антипассивного показателя. В терминах [Плунгян 2003; 2011] данная деривация должна быть скорее названа объектным имперсоналом, что не обязательно подразумевает «отсутствие лица», а именно «нежелание или неспособность говорящего конкретизировать некоторый не называемый им аргумент» [Плунгян 2011: 293]. В то же время возможность противопоставления антипассива и объектного имперсонала на чисто семантических основаниях как минимум спорна, а на практике зачастую вообще нереализуема (ср. аргументы в [Аркадьев, Летучий 2008], где авторы говорят о «деривациях антипассивной зоны»).

Другой возможный вопрос касается того, как соотносятся актантная и акциональная модификации в рамках той или иной глагольной деривации. В литературе хорошо засвидетельствована связь между понижением синтаксического статуса Р-актанта (вызванного низким референциальным или прагматическим статусом) и имперфективным (непредельным) характером ситуации. При этом направление связи в разных работах и для разных языков указывалось различное. С одной стороны, отмечалось, что опущение или понижение в статусе аргумента, соответствующего Р-участнику, часто приводит к изменению видовых характеристик ситуации [Соогеман 1994; Сай 2008]. С другой стороны, изменение акциональных характеристик, в частности предельности (*telicity*), может приводить в ряде случаев к изменению аргументной структуры, а именно к понижению в статусе или опущению внутреннего аргумента; ср. [Tatevosov 2011], где предпринимается попытка реинтерпретации данных годоберинского языка, впервые описанных в [Kibrik 1996], и утверждается, что антипассивизация в годоберинском является следствием более общего механизма детелисизации и доступна для глаголов с инкрементальной Темой/Путём²⁵.

Часто отмечается связь между антипассивизацией (и шире — детранзитивизацией) и имперфективностью, вызванной глагольной множественностью. Это объяснимо, поскольку в случае глагольной множественности семантическая переходность клаузы, по [Norreg, Thompson 1980], ниже, чем при однократной ситуации с высоко индивидуализированным Р-участником, даже если последняя рассматривается в срединной фазе²⁶. Данная корреляция отмечалась в разделе 2 при рассмотрении Фреквентатива,

²³ Аналогичные примеры с дативным маркированием исходного Р-участника при глаголе *nyada-ŋko-* можно найти и в других источниках, в частности в публикациях газеты (сайта) «Няръяна вындер».

²⁴ Мне известен один пример антипассивно-рефлексивной полисемии, ср. *xal^ota-ŋko-* ‘1) заниматься мытьём, стиркой; 2) мыться в бане’. По данным [Comrie et al. 2016], в бежтинском языке антипассивно-рефлексивная полисемия также характерна только для деривата от глагола ‘мыть’. Пример реципрокальной интерпретации Антипассива в тундровом ненецком также фиксируется в базе в одном случае, ср. *pyod^ota-ŋko-* ‘1) драться; 2) вост. ругать’ < *pyod^ota-* ‘1) побить, избить; 2) вост. поругать’.

²⁵ На практике вопрос о первостепенности той или иной функции тоже может быть не всегда решаем. Иногда авторы языковых описаний признаются, что имеет место скорее целый кластер взаимосвязанных функций; ср. «В тантынском (...) употребление антипассивной конструкции возможно, если выполняется по крайней мере одно из следующих условий: (1) конструкция имеет хабитуальное значение; (2) ИГ-пациент обозначает либо множественный, либо неисчисляемый объект; (3) ИГ-пациент нереперентна или по крайней мере неопределённа» [Сумбатова 2013: 17].

²⁶ Ср. характерную цитату: «семантика предикатной множественности (...) подразумевает меньшую переходность, чем семантика, соответствующая однократному наступлению ситуации. (...) В подавляющем большинстве случаев показатель предикатной множественности способен к описанию многократного наступления ситуации, та-

Итератива и Имперфектива, однако в общем случае она нерелевантна для Антипассива, т. к. он не имеет собственно плюрациональных употреблений.

Таким образом, в принципе возможны описания рассмотренной выше ненецкой деривации как имперфективирующей (т. е. аспектуальной), во всех случаях вызывающей понижение в статусе или опущение Р-участника, или как антипассивной, во всех случаях вызывающей имперфективацию. Последний вариант имеет, как кажется, ряд преимуществ: во-первых, он позволяет объяснить, почему деривация **обязательно** затрагивает статус и поверхностное маркирование Р-участника, во-вторых, с антипассивной трактовкой коррелирует образование **именно от переходных глаголов**²⁷. При взгляде на *-ηko* (TN)/*-(η)ko* (FN) как на показатель аспектуальной деривации такое поведение нуждается в дополнительном объяснении²⁸.

Непростым является вопрос о том, какие глаголы образуют антипассивные дериваты. В литературе отмечалось, что к депациентивации склонны скорее глаголы способа (*manner verbs*), а не глаголы результата (*result verbs*) в смысле [Rappaport Hovav, Levin 1998] (см. обзор этого и других свойств, характерных для глаголов, наиболее часто допускающих антипассивизацию в языках мира, в [Say 2021]), т. е. глаголы, в толковании которых специфицирован компонент воздействия (способ, которым агентивный участник воздействует на пациентивного), а не только и не столько результативный компонент. Для тундрового ненецкого языка это можно охарактеризовать лишь как тенденцию. Образование Антипассива от глаголов результата встречается реже, но такие случаи не единичны. В частности, в следующих примерах Антипассив образован от каузативных глаголов, в событийной структуре которых не специфицирован компонент воздействия:

pyircy^om-tye-ηko- ‘делать высоким’ < *pyircy^om-tye-* ‘сделать высоким’ < *pyircy^{am}-* ‘стать высоким’;

sæw^osyal^om-tye-ηko- ‘1) ослеплять; 2) вызывать болезнь глаз’ < *sæw^osyal^om-tye-* ‘1) ослепить; 2) вызвать болезнь глаз’ < *sæw^osyal^{am}-* ‘ослепнуть’;

lat^om-ta-ηko- ‘расширять, делать шире, расставлять’ < *lat^om-ta-* ‘расширить, сделать шире, расставить’ < *lat^{am}-* ‘стать широким, расшириться’.

Таким образом, показатель *-ηko* в тундровом ненецком языке присоединяется к переходным перфективным глаголам и привносит предсказуемый эффект — в результате всегда создаётся непереходный имперфективный глагол. Данный показатель может быть охарактеризован как специализированный антипассивный показатель, обнаруживающий относительную продуктивность. Глаголы, образующие деривацию на *-ηko*, по-видимому, не составляют чётко очерченного класса с точки зрения семантики, в частности, среди них есть как специфицирующие компонент воздействия, так и не специфицирующие его. Существующие лексические ограничения нуждаются в отдельном изучении.

4.2. Морфонологические ограничения на Антипассив и его конкуренция с Имперфективом

Антипассивный показатель *-ηko* обнаруживает морфонологическое ограничение — он присоединяется только к вокалическим основам. Так, глагол *ηтm-* ‘съесть’ не имеет деривата с показателем *-ηko*, несмотря на то, что с типологической точки зрения предикат типа ‘(съ)есть’ принадлежит к классу «есте-

кого, что набор участников не остаётся тождественным. Это, в свою очередь, является естественным семантическим основанием для изменения референциального статуса участника» [Шлуинский 2005: 189].

²⁷ Среди немногих контрпримеров встречаются, по данным словарей, глагол *yed^otə-ηko-* ‘заниматься приготовлением пищи’, образованный от непереходного глагола *yed^otə-* ‘готовить пищу’, и глагол *súyuda-ηko-* ‘заниматься проведением олёла оленей’, образованный как будто от непереходного глагола *súyuda-* ‘не дорости до взрослого оленя (о телёнке)’. Впрочем, в ряде случаев антипассивный дериват не имеет отмеченного в словарях производящего глагола, ср., в частности, глагол *xurye-ηko-* ‘курить’, исходная основа которого является заимствованием из русского, но не зафиксирована как отдельное слово в источниках. Однако предположить существование переходного глагола «хигуе-» со значением типа ‘выкурить (сигарету и т. п.)’ не представляет труда; ср. пары *sarye-ηko-* ‘жарить, заниматься жареньем’ < *sarye-* ‘изжарить, поджарить’, *sudye-ηko-* ‘судить’ < *sudye-* ‘произвести рассмотрение дела в судебном порядке’, непроизводный член которых тем не менее весьма маргинален.

²⁸ Необходимо отметить, что в тундровом ненецком есть Будущее время, показателями которого являются алломорфы *-tə* и *-ηko*, распределённые в зависимости от типа основы. Первый алломорф очевидным образом связан с одним из алломорфов Имперфектива, который кратко упоминался выше, а последний — с обсуждаемым здесь показателем Антипассива (подробнее см. ниже). Грамматикализация будущего времени из показателей аспектуальной деривации представляется в общем случае более вероятной, чем из показателей актантажной деривации. Однако можно предположить, что и антипассивный (*-ηko₁*), и футуральный (*-ηko₂*) показатели — результат независимого развития одной морфемы (*-ηko₀*) со своим набором свойств.

ственных антипассивов» (пользуясь термином [Say 2021]) и является одним из основных кандидатов в число тех глаголов, которые в принципе будут участвовать в антипассивной альтернации (как маркированной в глаголе, так и нет). Данному ограничению может быть предложено объяснение фонотактического характера²⁹: в тундровом ненецком запрещены последовательности трёх и более согласных. Теоретически показатель *-ŋko* мог бы присоединяться к консонантным основам через эпентетический шва, но этого не происходит. Можно предположить, что другие основы обслуживают другие показатели, в частности Имперфектив с алломорфами *-tə/-nə*, т. е. другая деривация, эффекты которой при присоединении к переходным глаголам тем не менее практически идентичны эффектам Антипассива. На такую мысль наталкивает не только одинаковая помета <неперех.> в словаре [Терещенко 1965], но и тот факт, что с синхронной точки зрения омонимичные показатели *-tə*³⁰ и *-ŋko* задействованы также в качестве алломорфов Будущего времени.

Однако дистрибуция детранзитивирующих показателей *-ŋko* и *-tə/-nə* отличается от дистрибуции футуральных показателей *-ŋko* и *-tə*, хотя эти различия связаны, по-видимому, не столько с различными морфонологическими профилями, сколько с особыми свойствами альтернирующих основ (*alteration verbs*, по [Salminen 1998]). Под альтернирующими имеются в виду глагольные основы на *ə* и *o*, которые образуют так называемую общую финитную основу (*general finite stem*) не с помощью показателей *-ə/-^o* (как все остальные вокалические основы) или *-ŋa* (как консонантные основы, а также вокалические перед суффиксом, начинающимся с *x*), а с помощью мены финального гласного на *i* и *u* соответственно, что иногда сопровождается палатализацией или депалатализацией предшествующего согласного. Обычно, когда говорят об особых свойствах альтернирующих основ, подразумевают именно эту их морфологическую особенность.

В статье [Урманчиева 2013], однако, предпринимается попытка семантического анализа данного класса глаголов. Согласно А. Ю. Урманчиевой, в него входят «стативы различных типов» [там же: 756], а именно: стативы и декаузативы на **w* (например, *ŋamtuo-* ‘сидеть’ < *ŋamtə-* ‘сесть’, *syidy-* ‘проснуться’ < *syidy-* ‘разбудить’; подробнее см. в первую очередь [Гусев 2010]), каритивные отыменные глаголы (*tuasua-* ‘быть бездомным’ < *tuag* ‘чум, дом’), одоративные глаголы (*xalyayə-* ‘пахнуть рыбой’ < *xalya* ‘рыба’), дуративные глаголы с показателем *-(m)pə/-bə* (для которых исходная стативная семантика реконструируется на основании когнатного селькупского аффикса), хабиутальные глаголы с показателем *-syətə* и, наконец, глаголы с показателями *-ko* и *-ŋko*, кратко охарактеризованные выше. Последняя группа вводится с формулировкой «стативы, характеризующие активный субъект» [Урманчиева 2013: 759] (см. также замечания в сноске 21).

Для целей настоящей работы оказывается важна такая деталь: **переходными** среди альтернирующих глаголов, по-видимому, могут быть лишь глаголы с показателем Дуратива, но дуративные дериваты не могут присоединять прочих имперфективирующих показателей. Это значит, что, хотя показатель Имперфектива *-tə* и присоединяется к альтернирующим основам на *o* (ср. ям. *wadyo-də-* и б.-з. и зап. *wadyo-də-nə-* ‘расти, вырастить’ < *wadyo-* ‘вырасти’), это **невозможно**, когда он выполняет одновременно детранзитивирующую функцию. В нормальном случае имперфективный показатель *-tə*, как и футуральный, присоединяется к консонантным основам. Ср. следующие примеры:

myitə- ‘заниматься раздачей; давать, отдавать’ < *myiq-* ‘дать, отдать’;

pen-tə- ‘класть’ < *peh-* ‘положить’;

pæ^otə- ‘заниматься колкой дров’ < *pæəq-* ‘расколоть (дрова)’;

pūtə- ‘дуть’ < *pūq-* ‘подуть, раздуть’.

В то же время по крайней мере в нескольких случаях показатель *-tə* присоединяется к переходным вокалическим основам:

tyed^o-tə- ‘заниматься вытаскиванием’ < *tyedə-* ‘вынуть, вытащить (из воды)’;

²⁹ Дистрибуция *-ŋko* и других антипассивных показателей в целом носит лексический характер и нуждается в специальном исследовании. Относительно именно глагола *ŋəm-* ‘съесть’ необходимо сказать, что от него не зафиксированы ни Антипассив, ни Имперфектив, ни Итератив, ни даже Дуратив. Из всех имперфективирующих дериваций он образует, по-видимому, только Фреквентатив, который в этом случае не имеет плюракциональной функции, а служит целям только имперфективации (что отмечалось в [Шлуинский 2005: 290]). Примечательно, что, хотя фреквентативный дериват и сохраняет возможность управлять аккузативной именной группой в позиции прямого объекта, он может употребляться в контекстах, где прямой объект опущен (в том числе в формах субъектного спряжения), т. е., по сути, в антипассивных контекстах. Такая «подвижная» переходность (А-лабильность) за пределами образования Фреквентатива, как кажется, не встречается.

³⁰ Алломорф с начальным *n* не участвует в образовании форм Будущего времени.

syaro-də ‘заниматься привязыванием, связыванием, вязанием сетей’ < *syarə* ‘повязать, привязать, связать’.

Показатель *-nə* присоединяется к вокалическим основам, прежде всего к основам на обычный шва, с которыми в норме не сочетается *-ŋko*³¹, но не только. Ср.:

səbka-nə ‘рыть, копать’ < *səbka* ‘вырыть, выкопать’;

syir^o-nə ‘выкапывать, заниматься раскапыванием’ < *syirə* ‘выкопать, раскопать’;

təqwa-nə ‘жевать, разжёвывать’ < *təqwa* ‘разжевать’;

təwa-nə ‘таскать, носить’ < *təwa* ‘перенести, перетащить’;

б.-з. *xet^o-nə* ‘отвечать’ < *xetə* ‘сказать; ответить’;

yesye-nə ‘заниматься натягиванием нюков на шесты чума’ < *yesye* ‘покрыть чум нюками’;

б.-з. *yur^o-nə* ‘забывать’ < *yurə* ‘забыть’.

Наконец, в единичных случаях фиксируются примеры, в которых сосуществуют дериваты на *-ŋko* ~ *-ncyo* и на *-nə* от одной основы. Отличаются ли они чем-то друг от друга, судить по данным словаря едва ли возможно, хотя толкования и указания на диалектную принадлежность могут быть неидентичными. Ср.:

sela-ŋko ‘заниматься подтягиванием (постоянно)’ и б.-з. и зап. *sela-nə* ‘подтягивать, заниматься подтягиванием (в данный момент)’ < *sela* ‘подтянуть вверх (например, пимы, покрывку чума и т. п.)’;

sela-ŋko ‘заниматься высушиванием, просушиванием до хрупкости’ < *sela* ‘высушить, просушить до хрупкости (например, табак, чай и т. п.)’³².

yaŋka-ncyo ‘1) заниматься продалбливанием льда; 2) заниматься прививкой’ и *yaŋka-nə* ‘1) продалбливать, прорубать; 2) заниматься прививкой’ < *yaŋka* ‘1) продалбить, прорубить; 2) сделать прививку’.

Информация о сочетаемости футуральных и имперфективирующих показателей *-ŋko* и *-tə/-nə* обобщена ниже.

Таблица 1. Дистрибуция показателей *-ŋko* и *-tə/-nə* в различных функциях³³

Показатель	Основа			
	Консонантные	Альтернирующие на <i>o</i>	Вокалические	Альтернирующие на <i>ə</i>
<i>-ŋko_{FUT}</i>	–	–	+	+
<i>-ŋko_{ANTI}</i>	–	–	+	–
<i>-tə_{FUT}</i>	+	+	–	–
<i>-tə_{IPFV}</i>	+	+	-/+	–
<i>-nə_{IPFV}</i>	–	–	+	ʔ ³⁴

Таким образом, несмотря на то, что Имперфектив с показателями *-tə/-nə* и Антипассив с показателем *-ŋko* несомненно являются двумя разными деривациями и Имперфектив, в отличие от Антипассива, свободно сочетается как с переходными, так и с непереходными основами, в сочетании с переходными основами их функции предельно похожи, поэтому можно считать, что Имперфектив в этом случае — функциональный аналог Антипассива и заполняет ту нишу, которая возникает из-за строгих морфонологических ограничений на сочетаемость показателя *-ŋko*.

³¹ В качестве контрпримера можно назвать только оформление показателем *-ŋko* заимствованных из русского языка глаголов, ср. *премируйŋго(сь)* ‘премировать’, *решайŋго(сь)* ‘решать, заниматься решением’, однако исходные переходные перфективные глаголы, как кажется, маргинальны в этих случаях. Более того, в восточных говорах соответствующие русские глаголы заимствуются всё-таки не просто с императивной основой, но оформляются вербализатором *-da*, совпадающим с одним из показателей каузатива, т. е. *-ŋko* и тогда присоединяется к основам на полный гласный (не шва), ср. ям. *премируйдаŋго(сь)* ‘премировать’, ям. *решайдаŋго(сь)* ‘решать, заниматься решением’.

³² Несмотря на то, что от этого глагола в [Терещенко 1965: 583] не фиксируется дериват *selanə*, на той же странице без каких-либо диалектных помет приводятся два омонимичных фреквентативных деривата *selanor* ‘заниматься подтягиванием (время от времени)’ и *selanor* ‘заниматься просушиванием (время от времени)’, образованных очевидным образом от имперфективных глаголов.

³³ Из рассмотрения исключены нерегулярные глаголы.

³⁴ Фиксируется глагол *təly^onə* ‘ломаться (постепенно)’, имеющий в [Терещенко 1965: 224] диалектную помету «б.-з.», хотя образован он от глагола *təlyə* ‘сломаться, разломиться, переломиться; обломиться, отломиться’ с основой на чередующийся *ə*, имеющего помету «ям.» (вариант последнего *təly^oyo* с основой на чередующийся *o* имеет помету «б.-з.»).

Что касается показателя *-ko*, его внешнее сходство с *-ŋko*, очевидно, обманчиво. Выше отмечалось, что показатель *-ko* маркирует деривацию, которая скорее ориентирована на результат, при этом не предъявляет никаких конкретных требований к акциональным и/или аргументным свойствам исходного предиката. Точно так же *-ko*, по-видимому, не имеет и никаких принципиальных морфонологических ограничений. Данный показатель сочетается с основами на гласный (обычно основа при этом подвергается усечению), на обычный шва и — в редких случаях — также на согласный. Ср.:

səd°-ko- ‘1) тратиться (о деньгах); 2) заниматься расходом (денег)’ < *sədəq-* ‘истратить, израсходовать’;

sæd°-ko- ~ *sædo-ko-* ‘заниматься шитьём мелких предметов’ < *sædə-* ‘сшить’;

toxol-ko- ‘1) вост. учиться, обучаться; 2) б.-з. и зап. заниматься обучением, преподавать’ < *toxola-* ‘1) научить (чему-л.); 2) выучить (что-л.)’.

В единичных случаях от одного и того же глагола фиксируются и дериват с показателем *-ŋko*, и дериват с показателем *-ko*, однако они расходятся в значении. Ср. глаголы *məq°la-ŋko-* ‘заниматься собиранием, собирать, набирать’ и *məq°l-ko-*³⁵ ‘1) собирать в небольшом количестве в одно место; 2) караулить, охранять днём (о пастухе оленьего стада); 3) играть в жмурки’, образованные от *məq°la-* ‘1) собрать, набрать; 2) скопить’.

5. Прочие антипассивные показатели

В образовании антипассивных дериватов участвует также непродуктивный показатель *-ə*. В примерах ниже представлен Дуратив от переходного глагола *syator-* ‘искусать’ (45) и антипассивный дериват *syator-ə-* ‘кусаться’ (46).

(45) *nyer°-naq* *nyu-ku-na* *wenyeko-q* *ŋəmke-xəbyi* *syator-pə°* *pya°-q*
 перед-POSS.1PL около-DIM-LOC собака-PL что-AFF.ACC.PL искусать-DUR-CVB начать-GFS-3PL.S
 ‘Впереди нас собаки начали что-то грызть’ [Терещенко 1965: 350].

(46) *wenyeko-myī* *səcy°* *yənyik°*, *nyī* *syator-°-q*
 собака-POSS.1SG сильно смиренный NEG.GFS[3SG.S] искусать-ANTI³⁶-CN
 ‘Собака моя очень смиренная, она не кусается’ [там же: 843].

Ср. также следующие глаголы:

lador-ə- ‘бить, ударять’ (хотя б.-з. *ladortə-* ‘1) ударять; 2) колотить, бить; 3) вбивать’) < *lador-* ‘1) ударить; 2) поколотить, побить; 3) вбить’;

mətor-ə- ‘заниматься резанием, пилкой, рубкой’ < *mətor-* ‘нарезать, нарубить, напилить’;

pyidyel-ə- ‘разминать тупой косой’ < *pyidyel-* ‘размять косой’;

sædor-ə- ‘шить, заниматься шитьём’ < *sædor-* ‘починить, зашить’;

syator-ə- ‘кусаться’ < *syator-* ‘перекусать, искусать’;

yarkol-ə- ‘заниматься ловлей арканом’ < *yarkol-* ‘переловить арканом’.

Наиболее непродуктивен в антипассивной функции, по-видимому, показатель *-rə* (*vil°-rə-* ‘поднять’ < *yilə-* ‘поднять’), для которого характерны декаузативные употребления (*yeka-rə-* ‘1) развязаться; 2) сняться (об одежде)’ < *yeka-* ‘1) снять (одежду); 2) развязать; 3) распустить’).

6. Антипассивизация в отглагольных именах: имя инструмента

Для некоторых языков отмечалось, что образование собственно номинализации (имени действия) напрямую от переходного глагола затруднено и в этом случае исходная конструкция обычно подвергается антипассивизации (ср., например, [Fortescue 1984: 45—46] о западногренландском языке и обсуждение этих данных в [Сай 2008: 250—252]). В описаниях ряда языков фиксируются возможные ограничения на образование имени деятеля от переходных глаголов и регулярное появление в этом контексте аффикса антипассива, ср. [Сай 2008: 354].

³⁵ Глагол *məq°lko-* имеет в словаре [Терещенко 1965: 246] диалектную помету «б.-з. и зап.», однако по крайней мере во втором значении он распространён и в восточных говорах.

³⁶ На первый взгляд, неочевидно, что *ə* здесь является антипассивным показателем, поскольку и после консонантной основы перед показателем коннегатива возникнул бы (эпентетический) *ə*. Однако перевод, акциональная интерпретация, отсутствие прямого дополнения и генерическое прочтение не оставляют сомнений, что перед нами глагол *syatorə-* ‘кусаться’.

В тундровом ненецком языке собственно номинализация свободно образуется от переходных глаголов, тогда как имя инструмента может обнаруживать ограничения³⁷. Имя инструмента образуется с помощью показателей *-sy^oh/-bcy^oh*, ср. *ηædalyo-sy^oh* ‘мужская легковая нарта’³⁸ < *ηædalyo-* ‘ехать на легкой нарте’ [Терещенко 1965: 416, 417]; *tyonə-bcy^oh* ‘вешало’ < *tyonə-* ‘сушиться’ [там же: 653].

Напрямую от переходных перфективных глаголов имя инструмента, как правило, не образуется. Чаще всего имя инструмента содержит показатель Имперфектива или Антипассива, т. е. образуется от непереходных имперфективных глаголов. Ср. *wəra-nə-bcy^oh* ‘нож для скобления берёзовой стружки’ < *wəra-nə-* ‘заниматься изготовлением берёзовой стружки’ < *wəra-* ‘наскоблить (берёзовой стружки)’ [там же: 45]; *naqwol-tə-bcy^oh* ‘метла’ < *naqwol-tə-* ‘заниматься подметанием’ < *naqwol-* ‘подмести’ (в одном из значений) [там же: 290]; *pad^o-nə-bcy^oh* ‘то, при помощи чего пишут’ < *pad^o-nə-* ‘писать’ < *padə-* ‘написать’ [там же: 432, 428]; *syidyə-ηko-bcy^oh* ‘будильник’ < *syidyə-ηko-* ‘будить’ < *syidyə-* ‘разбудить’ [там же: 556]; *tera-ηko-bcy^oh* ‘цедилка; решето, сито’ < *tera-ηko-* ‘заниматься процеживанием’ < *tera-* ‘процедить’ (в одном из значений) [там же: 690, 691].

Если принимать во внимание только такие примеры, невозможно понять, какое именно ограничение важно (или имеет больший вес, если они оба важны) при образовании имени инструмента: ограничение на переходность или на перфективность (и связанную с ней предельность).

В то же время существуют примеры, демонстрирующие, что имя инструмента может в значительной степени сохранять аргументную структуру глагола, от которого оно образовано, в частности возможность иметь прямое дополнение в аккумулятиве. Однако практически во всех таких случаях имя инструмента содержит показатель Дуратива *-mpə/-bə*, т. е. образовано от имперфективного переходного глагола. Ср. *yintəd^o-m ηædara-mpə-bcy^oh* ‘дыхательные пути’ < *yintəd^o-m ηædara-mpə-* ‘выдыхать’ < *yintəd^o-m ηædara-* ‘выдохнуть’ (букв. ‘выпустить дыхание’) [там же: 144]; *yid^o-m nex^o-bə-bcy^oh* ‘водокачка’ < *yid^o-m nex^o-bə-* ‘выкачивать воду’ [там же: 153] < *yid^o-m nexə-* ‘выкачать воду’³⁹; *yesy^o məq^ola-mpə-bcy^oh* ‘копилка’ [там же: 111] < *yesy^o məq^ola-mpə-* ‘копить деньги’ < *yesy^o məq^ola-* ‘скопить денег’ [там же: 246].

Таким образом, в большинстве случаев имя инструмента не образуется от переходных перфективных глаголов: они подвергаются либо детранзитивизации, сопровождаемой имперфективацией (с помощью показателей Имперфектива, Антипассива и др.), либо как минимум имперфективации (с помощью показателя Дуратива).

Однако исключения из данного обобщения существуют, так что оно, по-видимому, отражает всего лишь тенденцию, обусловленную семантикой (имена с показателями *-sy^oh/-bcy^oh* обозначают в норме инструмент обычного действия), но не связано со строгим грамматическим запретом. Ср. *yixə-bcy^oh* ‘пила’ < *yixə-* ‘1) потереть; 2) втереть краску; 3) наточить; 4) затупить’ [там же: 151]; *pad^o-bcy^oh* ‘то, на чём должно быть что-л. написано’ < *padə-* ‘написать’ [там же: 428] (наряду с *pad^o-nə-bcy^oh* ‘то, при помощи чего пишут’ < *pad^o-nə-* ‘писать’ [там же: 432]); *yaŋka-bcy^oh* ‘лом’ [там же: 845] < *yaŋka-* ‘продолбить, прорубить (лёд)’ [там же: 844] (наряду с *yaŋka-nə-bcy^oh* ‘пешня’ < *yaŋka-nə-* ‘долбить, прорубать (лёд)’ [там же: 845]; ср. (8)—(9) выше). Впрочем, в первом примере налицо лексикализация, а значительная часть остальных подобных примеров нуждается в проверке. Кроме того, в большинстве таких случаев имя инструмента, образованное напрямую от переходного перфективного глагола, едва ли имеет валентность на прямое дополнение⁴⁰.

7. Антипассивные конструкции в лесном энецком и нганасанском языках?

В лесном энецком языке существует Дуратив, показатель которого *-go/-ko*, возможно, является когнатным показателю *-ηko* в тундровом ненецком. В то же время с антипассивным *-ηko* его объеди-

³⁷ Возможно, это характерно также для имени места с показателем *-ləwa*, но данных недостаточно.

³⁸ Имя инструмента может иметь также неинструментальные значения. В частности, для слова *ηædalyosy^oh* в [Терещенко 1965: 417] в качестве второго значения приводится ‘местность, по которой ездят на легкой нарте’. Для ряда имён, образованных с помощью показателей *-sy^oh/-bcy^oh*, значение места или причины является основным или даже единственным.

³⁹ В [Терещенко 1965: 153] приводится словосочетание *yid^o-m nexəq-*, однако глагол *nexəq-* сам по себе является дериватом от *nexə-* (показатель *-q* обычно маркирует большую интенсивность действия или множественность объекта).

⁴⁰ Однако ср. (i), где, правда, имя инструмента имеет неинструментальное значение:

(i) *pəne-myi* *me-bcy^oh* *ya-myi* *yəŋku*
ягушка-(ACC.)POSS.1SG положить-VN.INSTR земля-POSS.1SG отсутствовать.GFS[3SG.S]
‘Нет места, куда я могла бы положить свою паницу’ [Терещенко 1965: 267].

няет только имперфективизация (и детелисизация) предиката, никаких детранзитивизирующих эффектов его присоединение не влечёт (48) и сочетается он как с переходными, так и с непереходными глаголами.

(47) ЛЕСНОЙ ЭНЕЦКИЙ [Шлуинский 2017: 33]

kize miʔ puŋ-e-za
посуда в.DAT положить-O.PL-3SG.O
‘Он положил их в чашку’.

(48) *mense-r <...> baʔa-da ir pu-go-e-za tʃike kəru-ʔ*
старуха-POSS.2SG постель-OBL.POSS.3SG под положить-DUR-O.PL-3SG.O этот нож-PL
‘Старуха ... под постель кладёт эти ножи’.

Таким образом, если лесной энецкий показатель *-go/-ko* действительно родственен тундровому ненецкому *-ŋko*, не исключено, что и **-ŋko* в некоторый период истории тундрового ненецкого мог являться чистой имперфективирующей деривацией (без каких-либо детранзитивизирующих эффектов), а впоследствии пойти по двум независимым путям: с одной стороны, эволюционировать в один из футуральных показателей⁴¹, с другой — перестать сочетаться с непереходными основами и развить антипассивные употребления.

В нганасанском языке показателем Дуратива является *-KUJ*, напрямую не сопоставимый с упомянутыми ненецким и энецкими аффиксами, поскольку не содержит никаких следов начального носового согласного (В. Ю. Гусев, личное сообщение). В то же время в статье [Гусев 2012] отмечается одна любопытная особенность этого показателя, имеющая отношение к проблематике актантной деривации и намекающая на то, что это не самый обычный дуративный показатель. Согласно [там же: 334—335], данный показатель присоединяется практически исключительно к двум типам основ⁴² — к каузативам и к образованным с помощью показателей каузатива отыменным основам, — тогда как Прогрессив *-NTƏ* с этими основами, напротив, почти никогда не сочетается. Такая избирательность для обычного дуративного показателя была бы удивительна. Как отмечает В. Ю. Гусев, Дуратив в этом случае обозначает не длительный процесс каузации, а скорее многократную каузацию, хотя это наблюдение, на мой взгляд, не очевидно, ср. (49):

(49) НГНАСАНСКИЙ

d'ündüa-kəi-t'ü *bədüa-btu-guj-t'ü*
лошадь-DU-[ACC.]PL.POSS.3SG вырасти-CAUS-DUR-PRS[3SG.S]
‘(Так) он (там) двух лошадок растит’ [Brykina et al. 2018].

Как бы то ни было, нганасанский Дуратив, как и энецкий, не затрагивает аргументный статус прямого дополнения, когда присоединяется к переходному глаголу, и соответствующая именная группа сохраняет аккузативное маркирование. Что касается других дериваций, то, насколько мне известно, в нганасанском языке в принципе никакие продуктивные имперфективирующие деривации не затрагивают аргументную структуру предиката.

Для лесного энецкого в [Siegl 2013] упоминается детранзитивизирующий суффикс *-du/-tu*, после которого присоединяется показатель Фреквентатива⁴³. По всей видимости, переходные глаголы составляют абсолютное меньшинство входов для данной деривации, по крайней мере, надёжных корпусных примеров мне обнаружить не удалось (хотя такие глаголы есть в словаре [Сорокина, Болина 2009]), поэтому ниже приводится пример (51) из грамматики [Siegl 2013].

⁴¹ В лесном ненецком языке в образовании Будущего времени участвуют только показатели *-tā/-nā*, идентичные алломорфам Имперфектива, в энецких языках — показатели *-da (-za)/-ta*, которые исторически представляют результат образования основы Аориста от дериватов Будущего времени (ср. [Ханина, Шлуинский 2019: 84], где в качестве исходного вида показателя Будущего времени предполагается *-do*). В нганасанском языке старый футуральный показатель, совпадающий с показателем Имперфектива *-NTƏ*, сохранился в формах Будущего времени Интеррогатива и Репортатива, а в невопросительных индикативных употреблениях был вытеснен показателем *-ʔSUTƏ* [Wagner-Nagy 2018: 237; Гусев 2021: 30].

⁴² Дуратив на самом деле может присоединяться по крайней мере к некоторым неизменяемым основам, после других вербализующих показателей и после ряда деривационных морфем.

⁴³ Согласно комментарию одного из рецензентов, примеры без показателя Фреквентатива существуют, хотя, по-видимому, и редки. В [Ханина, Шлуинский 2019: 85] приводится пример с глаголом, маркированным показателем *-tu*, однако там не наблюдается детранзитивизации, поскольку присутствует прямой объект.

(50) ЛЕСНОЙ ЭНЕЦКИЙ
kasa äči ši kođiä
 man youngster 1SG.ACC scratch.3SG
 ‘This young boy scratched⁴⁴ me’ [ibid.: 322].

(51) *nä äči peri kođi-tu-ŋa*
 girl youngster always scratch-DETR-FREQ.3SG
 ‘The young girl is always scratching’ [ibid.].

Употребление этого суффикса в (51) весьма напоминает антипассивизирующие употребления тундрового ненецкого Имперфектива, но недостаток данных не позволяет сделать более никаких выводов. В частности, неизвестно, может ли именная группа, смещённая с позиции прямого дополнения, выражаться каким-либо косвенным образом.

Суффикс *-du/-tu* присоединяется также к непереходным перфективным глаголам. В таком случае образуется имперфективный дериват.

(52) ЛЕСНОЙ ЭНЕЦКИЙ
modi kəd-tu-ŋa-zʔ
 я замёрзнуть-DETR-FREQ-1SG.S
 {Лебедь сказал:} ‘«Я замерзаю»’.

Наконец, ещё одна возможность, которая упоминается также в грамматике [Siegl 2013], — это образование отыменных глаголов на *-dur/-tur*, ср. *łbitur-* ‘грести’ < *łba* ‘весло’ (*лобету(чь)*) и *лобе* соответственно в [Сорокина, Болина 2009: 210]). Таким образом, показатель *-du/-tu* в лесном энецком выглядит как некоторый аналог Имперфектива в тундровом ненецком: он присоединяется и к непереходным, и к переходным глаголам и делает последние непереходными, подавляя возможность предиката иметь прямое дополнение. Однако анализ затрудняет то, что глаголы с суффиксом *-du/-tu*, как правило, являются основами на *-r*, т. е., по крайней мере с диахронической точки зрения, содержат показатель Фреквентатива (Мультипликатива, согласно [Khanina, Shluinsky 2023]), так что семантический вклад каждого из показателей не совсем очевиден.

Не исключено, что в лесном энецком есть аналоги и других имперфективирующих дериваций тундрового ненецкого, имеющих отношение к актантной деривации, однако отсутствие полноценных данных не позволяет ничего утверждать уверенно. Так, мне известен один глагол, в котором суффикс *-ko*, если его в принципе выделять, соответствует тундровому ненецкому *-ko* (QXO, в морфологической транскрипции Т. Салминена), а не является алломорфом *-go* после «глухих альтернирующих основ» (в терминологии [Khanina, Shluinsky 2023]). Это глагол *kameko-* ‘понимать’⁴⁵, связанный с *kamiza-/kamaza-* ‘понять’ (*kamaza-* также может значить ‘подготовить, приготовить’), ср. с тундровым ненецким *xamyeko-* ‘готовиться, подготавливаться, приготавливаться’ и *xamyeda- ~ xamada-* ‘1) приготовить, наладить; 2) понять, узнать; 3) заметить, обратить внимание’. И в том и в другом случае глагол на *-ko*, по-видимому, образован от связанной основы, не зафиксированной в чистом виде в современных языках, от которой образован и предельный переходный глагол. И в том и в другом случае исходная основа, вероятно, связана и с идеей приготовления, и с идеей понимания, по крайней мере, такое предположение можно сделать на основании значений предельных переходных глаголов. Различие состоит в том, что в тундровом ненецком *xamyeko-* обозначает только деятельность по приготовлению к чему-либо и является непереходным глаголом (второй актант выражается именной группой в дативе, как в примере (53), или супином), тогда как в лесном энецком существуют два глагола, один из которых обозначает состояние понимания и является переходным, что видно по показателю субъектно-объектной согласовательной серии в (54).

(53) ТУНДРОВЫЙ НЕНЕЦКИЙ
síwe-n^oh xamyeku-q
 зимний-DAT готовиться.GFS-3PL.S
 ‘Они готовятся к зиме’ [Терещенко 1965: 733].

⁴⁴ В оригинале написано «scratches», однако это, скорее всего, либо ошибка, либо опечатка. Глагол *кози(чь)*, согласно [Сорокина, Болина 2009: 184], перфективный.

⁴⁵ В [Сорокина, Болина 2001: 47], помимо переходного глагола *камеку(сь)* ‘1) узнавать (получать знания); 2) понимать’, фиксируется также непереходный глагол *камеку(чь)* ‘готовиться, собираться (в дорогу)’. В [Сорокина, Болина 2009: 158] они выглядят как *камеку(сь)* и *камеку(сь)* соответственно. Согласно комментарию одного из рецензентов, это омонимичные глаголы и они оба существуют.

- (54) ЛЕСНОЙ ЭНЕЦКИЙ
kameku-xoɔ-f kamekuɔ-za-f
 понимать-AFF-CVB понимать-3SG.O.SG.PST
 ‘Понимать-то он его понимал’.

Итак, в лесном энецком языке детранзитивирующая функция имперфективирующих дериваций, связанная со смещением или удалением прямого дополнения, т. е., по сути, антипассивная функция, хотя и фиксируется в отдельных случаях (прежде всего для глаголов на *-dur/-tur*), совершенно не обнаруживает продуктивности, отмеченной выше для тундрового (и лесного) ненецкого, в котором эффект антипассивизации характерен для целого ряда имперфективирующих показателей, а кроме того, существуют специализированные антипассивные показатели. Нганасанский язык, как кажется, совсем лишён антипассива.

8. Заключение

Как показал анализ тундрового ненецкого материала и краткий обзор данных других близкородственных языков, северносамодийские языки обнаруживают существенные различия в области антипассивизации, а именно в плане продуктивности и регулярности антипассивных стратегий, а также взаимодействия аспектуальной/плюракциональной и актантажной модификаций. В отличие от других северносамодийских языков, в ненецких языках (прежде всего в тундровом ненецком, но с известной долей осторожности бóльшую часть сказанного можно экстраполировать и на лесной ненецкий) выделяется несколько антипассивных стратегий, как минимум одну из которых (показатели *-ŋko* в тундровом ненецком и *-(ŋ)ko* в лесном ненецком) можно считать специализированным показателем антипассива, обнаруживающим определённую долю продуктивности.

Как и во многих других языках, в тундровом ненецком Антипассив обычно предполагает низкую степень идентифицируемости Р-участника, его нереферентный, неопределённый или генерический статус. Антипассив всегда приводит к имперфективации, т. е. он невозможен в перфективных клаузах, и часто имеет хабитуальное или генерическое прочтение. При этом Антипассив возможен и в актуально-длительных контекстах с эпизодической интерпретацией.

В типологии антипассивных конструкций тундровый ненецкий Антипассив должен быть охарактеризован как имеющий прежде всего семантические, а не синтаксические функции (хотя в [Сай 2008] первичность синтаксических функций в принципе оспаривается даже в отношении дирбала, который считается хрестоматийным примером синтаксически эргативного языка). Говорить о синтаксическом измерении тундрового ненецкого Антипассива сложно. Наиболее близким явлением оказываются ограничения на образование некоторых отглагольных имён. В частности, имя инструмента в норме образуется от переходных перфективных глаголов — этот процесс, как правило, сопровождается либо имперфективацией (с помощью присоединения показателя Дуратива и с сохранением переходности), либо антипассивизацией и вызванная ею имперфективация (с помощью присоединения показателей Антипассива или, например, Имперфектива). Однако эти ограничения, по-видимому, в большей степени связаны с перфективностью, а не с переходностью, кроме того, они не абсолютны.

Выявленные ограничения на использование Антипассива позволяют затронуть более общий вопрос о взаимодействии переходности и перфективности в финитных клаузах в тундровом ненецком языке (см. таблицу 2 ниже). В то время как Дуратив является основным средством имперфективации исходно переходных глаголов, позволяющим сохранить синтаксический статус прямого дополнения, Антипассив и другие антипассивные стратегии позволяют имперфективировать исходно переходный глагол с потерей им переходности. В перфективных клаузах исходно переходные предикаты не могут фигурировать без прямого дополнения. Топикальное прямое дополнение, в том числе поверхностно не выраженное, требует субъектно-объектного спряжения на глаголе.

Таблица 2. Переходность и перфективность в тундровом ненецком языке

Исходно переходные динамические предикаты (типа свершений)						
имперфективные клаузы			перфективные клаузы			
+ DO	∅ _[+TOPIC] DO	– DO	+ DO	∅ _[+TOPIC] DO	– DO	
√-DUR	√-DUR-SO _{conj}	√-ANTI/√-IPFV/√-QXO/√-FREQ/...	√	√-SO _{conj}		*

Развитие специализированного показателя антипассива в тундровом (и в лесном) ненецком языке, по-видимому, может коррелировать со строгим противопоставлением переходной и непереходной глагольной лексики (если отвлечься от существования продуктивной Р-лабильности, эксплуатирующей мену спряжения) и в абсолютном большинстве случаев совершенным видом переходных динамических глаголов (не осложнённых показателем Дуратива). Данные закономерности заслуживают отдельного исследования, а сюжет этой статьи исчерпан.

Сокращения

Языки и диалекты

FN — лесной ненецкий язык	TN — тундровый ненецкий язык:	
	б.-з. — большеземельский диалект	м.-з. — малоземельский диалект
	вост. — восточные диалекты	ям. — ямальский диалект
	зап. — западные диалекты	

Общие

DO — прямой объект	неперех. — непереходный глагол
SO _{conj} — субъектно-объектное спряжение	перех. — переходный глагол

Глоссы

1 — первое лицо	IPFV — имперфектив
2 — второе лицо	ITER — итератив
3 — третье лицо	LOC — локатив
ABL — аблатив	NARR — нарратив (наклонение)
ACC — аккузатив	NEG — отрицательный глагол
ADJ — адъективизатор	NMLZ — номинализация
AFF — аффирматив	NPL — множественное число
ANTI — антипассив/объектный имперсонал	O — объект/субъектно-объектная серия
APPROX — аппроксиматив	OBL — косвенная основа/серия
ATTEN — аттенуатив	PEJ — пейоратив
AUG — аугментатив	PFV — перфектив
CAUS — каузатив	PL — множественное число
CN — коннегатив	POSS — посессивность
CVB — конверб	POSTP — послелог
CVB.COND — условная форма	PROL — пролатив
DAT — датив	PRON — косвенная основа личных местоимений
DECAUS — декаузатив	PROPR — проприетив
DETR — детранзитивизатор	PRS — настоящее время
DIM — диминутив	PST — прошедшее время
DUB — дубитатив	PT — причастие
DU — двойственное число	QXO — показатель <i>-ko</i>
DUR — дуратив	REP — репутатив (наклонение)
EXCL — экскламатив	RESTR — рестриктив
FREQ — фреквентатив	SFS — специальная финитная основа
FUT — будущее время	SG — единственное число
GEN — генитив	S — субъектная серия
GFS — общая финитная основа	SUP — супин
HORT — гортатив	TRSF — трансформатив
IMP — императив	VN.INSTR — отглагольное имя инструмента

Литература

Аркадьев, Летучий 2008 — П. М. Аркадьев, А. Б. Летучий. Деривации антипассивной зоны в адыгейском языке // В. А. Плунгян, С. Г. Татевосов (отв. ред.). Исследования по глагольной деривации: Сборник статей. М.: Языки славянских культур, 2008. С. 77—102.

- Гусев 2010 — В. Ю. Гусев. Стативы и декаузативы на *-w в самодийских языках // С. И. Буркова (отв. ред.). Материалы 3-й международной научной конференции по самодистике (Новосибирск, 26—28 октября 2010 г.). Новосибирск: Любава, 2010. С. 54—65.
- Гусев 2012 — В. Ю. Гусев. Аспект в нганасанском языке // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН. 2012. Т. VIII, ч. 2. С. 311—360.
- Гусев 2021 — В. Ю. Гусев. К типологической характеристике северносибирского субстрата // Вопросы языкознания. 2021, 5. С. 26—58.
- Иосад и др. 2005 — П. В. Иосад, А. Г. Пазельская, М. А. Цюрупа. Типологически значимые параметры глагольной лексики: имперфективирующие деривации ненецкого языка // В. И. Подлеская, А. В. Архипов, Ю. А. Ландер (ред.). Четвёртая типологическая школа: Международная школа по лингвистической типологии и антропологии. Ереван, 21—28 сентября 2005 г. Материалы лекций и семинаров. М.: РГГУ, 2005. С. 171—177.
- Кибрик 2003 — А. Е. Кибрик. Константы и переменные языка. СПб.: Алетейя, 2003.
- Летучий 2014 — А. Б. Летучий. Обобщения, ориентированные на исходную точку деривации vs. на продукт деривации, в описании синтаксических процессов // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. 2014. Т. X, ч. 2. С. 292—330.
- Падучева 2001 — Е. В. Падучева. Каузативный глагол и декаузатив в русском языке // Русский язык в научном освещении. 2001, 1. С. 52—79.
- Плунгян 2003 — В. А. Плунгян. Общая морфология: Введение в проблематику. М.: Едиториал УРСС, 2003.
- Плунгян 2011 — В. А. Плунгян. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: РГГУ, 2011.
- Сай 2008 — С. С. Сай. К типологии антипассивных конструкций: семантика, прагматика, синтаксис. Дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2008.
- Салминен 2017 — Т. Салминен. Заметки о типах спряжения в ненецком языке. Доклад на Чтениях памяти А. И. Кузнецовой. Отделение теоретической и прикладной лингвистики, МГУ им. М. В. Ломоносова, 3—4 марта 2017 г.
- Сорокина, Болина 2001 — И. П. Сорокина, Д. С. Болина. Словарь энецко-русский и русско-энецкий. СПб.: Просвещение, 2001.
- Сорокина, Болина 2009 — И. П. Сорокина, Д. С. Болина. Энецко-русский словарь. СПб.: Наука, 2009.
- Стенин 2013 — И. А. Стенин. Имперфективирующие деривации и антипассивная конструкция в ненецком языке. Доклад на конференции «Типология морфосинтаксических параметров 2013». МГГУ им. М. А. Шолохова. Москва, Институт языкознания РАН, 16—18 октября 2013 г.
- Сумбатова 2013 — Н. Р. Сумбатова. Типологическое и диахроническое исследование морфосинтаксиса (на примере языков даргинской группы). Дис. ... докт. филол. наук. М., 2013.
- Татовосов 2017 — С. Г. Татовосов. Структура события и ненецкий глагол: заметки о актантно-акциональных свойствах Итератива // Linguistica Uralica. 2017, LIII (3). С. 197—225.
- Татовосов 2018 — С. Г. Татовосов. Событийно-структурная морфология в ненецком языке // Rhema. Рема. 2018, 3. С. 88—118.
- Терещенко 1947 — Н. М. Терещенко. Очерк грамматики ненецкого (юрако-самоедского) языка. Л.: Учпедгиз, 1947.
- Терещенко 1956 — Н. М. Терещенко. Материалы и исследования по языку ненцев. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1956.
- Терещенко 1965 — Н. М. Терещенко. Ненецко-русский словарь. М.: Советская энциклопедия, 1965.
- Урманчиева 2013 — А. Ю. Урманчиева. Образование форм аориста в самодийских языках // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН. 2013. Т. IX, ч. 2. С. 734—767.
- Ханина, Шлуинский 2019 — О. В. Ханина, А. Б. Шлуинский. Система форм с референцией к будущему в энецком языке // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2019, 1. С. 83—96.
- Шлуинский 2004 — А. Б. Шлуинский. Аспектуальная деривация в ненецком языке. Экспедиционный отчёт. М., 2004.
- Шлуинский 2005 — А. Б. Шлуинский. Типология предикатной множественности: количественные аспектуальные значения. Дис. ... канд. филол. наук. М., 2005.
- Шлуинский 2017 — А. Б. Шлуинский. Видовая система энецкого языка на фоне русской: к типологии словоклассифицирующего вида // Вопросы языкознания. 2017, 3. С. 24—52.
- Brykina et al. 2018 — M. Brykina, V. Gusev, S. Szeverényi, B. Wagner-Nagy. Nganasan spoken language corpus (NSLC). Archived in Hamburger Zentrum für Sprachkorpora. Version 0.2. Publication date 2018-06-12. <http://hdl.handle.net/11022/0000-0007-C6F2-8> (accessed on 2022-04-01).
- Bybee 1995 — J. Bybee. Regular morphology and the lexicon // Language and cognitive processes. 1995, 10 (5). P. 425—455.

Chamoreau 2008 — *C. Chamoreau*. Voz antipasiva en lenguas nominativo-acusativas. El caso del purépecha // Z. Estrada Fernández, A. L. Murguía Duarte (eds.). IX Encuentro Internacional de Lingüística en el Noreste, Hermosillo. 2008. P. 105—124.

Comrie et al. 2016 — *B. Comrie, D. Forker, Z. Khalilova*. Antipassives in Nakh-Daghestanian languages. Talk at the 46th Poznań Linguistic Meeting. Poznań, September 16, 2016.

Cooreman 1988 — *A. Cooreman*. The antipassive in Chamorro: variations on the theme of transitivity // M. Shibatani (ed.). *Passive and voice*. Amsterdam: John Benjamins, 1988. P. 561—593.

Cooreman 1994 — *A. Cooreman*. A functional typology of antipassives // B. A. Fox, P. J. Hopper (eds.). *Voice: Form and function*. Amsterdam: John Benjamins, 1994. P. 49—82.

Dalrymple, Nikolaeva 2011 — *M. Dalrymple, I. Nikolaeva*. *Objects and information structure*. Cambridge: Cambridge University Press, 2011.

Fortescue 1984 — *M. Fortescue*. *West Greenlandic*. London: Croom Helm, 1984.

Heaton 2017 — *R. Heaton*. A typology of antipassives, with special reference to Mayan. PhD thesis. University of Hawai'i at Mānoa, 2017.

Heaton 2020 — *R. Heaton*. Antipassives in crosslinguistic perspective // *Annual Review of Linguistics*. 2020, 6. P. 131—153.

Hopper, Thompson 1980 — *P. J. Hopper, S. A. Thompson*. Transitivity in grammar and discourse // *Language*. 1980, 56 (2). P. 251—299.

Huntington-Rainey 2023 — *B. H. Huntington-Rainey*. Dataset for Tundra Nenets // Grambank [Data set]. Zenodo. <https://doi.org/10.5281/zenodo.7740139> / The Grambank Consortium (eds.). <https://grambank.clld.org/contributions/nene1249> (accessed on 2023-08-04).

Janic 2013 — *K. Janic*. L'antipassif dans les langues accusatives. PhD thesis. Université Lumière Lyon 2, 2013.

Janic, Witzlack-Makarevich 2021 — *K. Janic, A. Witzlack-Makarevich*. The multifaceted nature of the antipassive construction // K. Janic, A. Witzlack-Makarevich (eds.). *Antipassive: typology, diachrony, and related constructions*. Amsterdam: John Benjamins, 2021. P. 1—39.

Janic, Witzlack-Makarevich (eds.) 2021 — *K. Janic, A. Witzlack-Makarevich* (eds.). *Antipassive: typology, diachrony, and related constructions*. Amsterdam: John Benjamins, 2021.

Khanina, Shluinsky 2023 — *O. Khanina, A. Shluinsky*. Forest and Tundra Enets // D. Abondolo, R.-L. Välijärvi (eds.). *The Uralic languages: 2nd ed.* London: Routledge, 2023. P. 793—852.

Kibrik 1996 — *A. A. Kibrik*. Transitivity in lexicon and grammar // A. E. Kibrik (ed.). *Godoberi*. München: Lincom Europa, 1996. P. 108—147.

Lazard 1989 — *G. Lazard*. Transitivity and markedness: the antipassive in accusative languages // O. M. Tomić (ed.). *Markedness in synchrony and diachrony*. Berlin: Mouton de Gruyter, 1989. P. 309—332.

Nikolaeva 2014 — *I. Nikolaeva*. *A grammar of Tundra Nenets*. Berlin: De Gruyter Mouton, 2014.

Polinsky 2013 — *M. Polinsky*. Antipassive Constructions // M. S. Dryer, M. Haspelmath (eds.). *The World Atlas of Language Structures Online*. Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology, 2013. <https://wals.info/chapter/108> (accessed on 2023-08-04).

Rappaport Hovav, Levin 1998 — *M. Rappaport Hovav, B. Levin*. Building verb meanings // M. Butt, W. Geuder (eds.). *The projection of arguments: lexical and syntactic constraints*. Stanford, CA: CSLI Publications, 1998. P. 97—134.

Salminen 1997 — *T. Salminen*. *Tundra Nenets inflection*. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1997.

Salminen 1998 — *T. Salminen*. *A morphological dictionary of Tundra Nenets*. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1998.

Salminen 2023a — *T. Salminen*. Tundra Nenets sample sentence corpus. (Updated 4 September 2023.) https://www.mv.helsinki.fi/home/tasalmin/tn_corpus.html (accessed on 2023-09-21).

Salminen 2023b — *T. Salminen*. Tundra Nenets: a grammatical sketch. (Last updated 11 September 2023.) https://www.mv.helsinki.fi/home/tasalmin/TN_sketch.pdf (accessed on 2023-09-21).

Say 2021 — *S. Say*. Antipassive and the lexical meaning of verbs // K. Janic, A. Witzlack-Makarevich (eds.). *Antipassive: typology, diachrony, and related constructions*. Amsterdam: John Benjamins, 2021. P. 177—212.

Seržant et al. 2021 — *I. A. Seržant, K. M. Janic, D. Dermaku, O. Ben Dror*. Typology of coding patterns and frequency effects of antipassives // *Studies in Language*. 2021, 45 (4). P. 968—1023.

Siegl 2013 — *F. Siegl*. *Materials on Forest Enets, an indigenous language of Northern Siberia*. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 2013.

Spreng 2010 — *B. Spreng*. On the conditions for antipassive // *Language and Linguistics Compass*. 2010, 4/7. P. 556—575.

Tatevosov 2011 — *S. Tatevosov*. Detelicization and argument suppression // *Linguistics*. 2011, 49 (1). P. 135—174.

Vigus 2018 — *M. Vigus*. Antipassive constructions: Correlations of form and function across languages // *Linguistic Typology*. 2018, 22 (3). P. 339—384.

Wagner-Nagy 2018 — *B. Wagner-Nagy*. *A grammar of Nganasan*. Leiden: Brill, 2018.

References

- Arkad'ev, Letuchii 2008 — P. M. Arkad'ev, A. B. Letuchii. Derivatsii antipassivnoi zony v adygeiskom yazyke. In: V. A. Plungyan, S. G. Tatevosov (otv. red.). Issledovaniya po glagol'noi derivatsii: Sbornik statei. Moskva: Jazyki slavyanskikh kul'tur, 2008. S. 77—102. {P. M. Arkadiev, A. B. Letuchiy. Derivations of antipassive zone in Adyghe. In: V. A. Plungian, S. G. Tatevosov (eds.). Studies on verbal derivation: A collection of papers. Moscow: Languages of Slavic cultures, 2008. P. 77—102.}
- Brykina et al. 2018 — M. Brykina, V. Gusev, S. Szeverényi, B. Wagner-Nagy. Nganasan spoken language corpus (NSLC). Archived in Hamburger Zentrum für Sprachkorpora. Version 0.2. Publication date 2018-06-12. <http://hdl.handle.net/11022/0000-0007-C6F2-8> (accessed on 2022-04-01).
- Bybee 1995 — J. Bybee. Regular morphology and the lexicon. In: Language and cognitive processes. 1995, 10 (5). P. 425—455.
- Chamoreau 2008 — C. Chamoreau. Voz antipasiva en lenguas nominativo-acusativas. El caso del purépecha. In: Z. Estrada Fernández, A. L. Murguía Duarte (eds.). IX Encuentro Internacional de Lingüística en el Noreste, Hermosillo. 2008. P. 105—124.
- Comrie et al. 2016 — B. Comrie, D. Forker, Z. Khalilova. Antipassives in Nakh-Daghestanian languages. Talk at the 46th Poznań Linguistic Meeting. Poznań, September 16, 2016.
- Cooreman 1988 — A. Cooreman. The antipassive in Chamorro: variations on the theme of transitivity. In: M. Shibatani (ed.). Passive and voice. Amsterdam: John Benjamins, 1988. P. 561—593.
- Cooreman 1994 — A. Cooreman. A functional typology of antipassives. In: B. A. Fox, P. J. Hopper (eds.). Voice: Form and function. Amsterdam: John Benjamins, 1994. P. 49—82.
- Dalrymple, Nikolaeva 2011 — M. Dalrymple, I. Nikolaeva. Objects and information structure. Cambridge: Cambridge University Press, 2011.
- Fortescue 1984 — M. Fortescue. West Greenlandic. London: Croom Helm, 1984.
- Gusev 2010 — V. Yu. Gusev. Stativy i dekauzativy na *-w v samodiiskikh yazykakh. In: S. I. Burkova (otv. red.). Materialy 3-i mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii po samodistike (Novosibirsk, 26—28 oktyabrya 2010 g.). Novosibirsk: Lyubava, 2010. S. 54—65. {V. Yu. Gusev. Statives and decausatives in *-w in the Samoyedic languages. In: S. I. Burkova (ed.). Proceedings of the 3rd International conference on Samoyedology (Novosibirsk, 26—28 October, 2010). Novosibirsk: Lyubava, 2010. P. 54—65.}
- Gusev 2012 — V. Yu. Gusev. Aspekt v nganasanskom yazyke. In: Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvistsheskikh issledovaniy RAN. 2012. T. VIII, ch. 2. S. 311—360. {V. Yu. Gusev. Aspect in Nganasan. In: Acta Linguistica Petropolitana. Transactions of the Institute for linguistic studies. 2012. Vol. VIII, part 2. P. 311—360.}
- Gusev 2021 — V. Yu. Gusev. K tipologicheskoi kharakteristike severnosibirskogo substrata. In: Voprosy yazykoznanija. 2021, 5. P. 26—58. {V. Yu. Gusev. Towards a typological profile of the North Siberian substrate. In: Voprosy Jazykoznanija. 2021, 5. P. 26—58.}
- Heaton 2017 — R. Heaton. A typology of antipassives, with special reference to Mayan. PhD thesis. University of Hawai'i at Mānoa, 2017.
- Heaton 2020 — R. Heaton. Antipassives in crosslinguistic perspective. In: Annual Review of Linguistics. 2020, 6. P. 131—153.
- Hopper, Thompson 1980 — P. J. Hopper, S. A. Thompson. Transitivity in grammar and discourse. In: Language. 1980, 56 (2). P. 251—299.
- Huntington-Rainey 2023 — B. H. Huntington-Rainey. Dataset for Tundra Nenets. In: Grambank [Data set]. Zenodo. <https://doi.org/10.5281/zenodo.7740139> / The Grambank Consortium (eds.). <https://grambank.clld.org/contributions/nene1249> (accessed on 2023-08-04).
- Iosad i dr. 2005 — P. V. Iosad, A. G. Pazel'skaya, M. A. Tsyurupa. Tipologicheski znachimye parametry glagol'noi leksiki: imperfektiviruyushchie derivatsii nenetskogo yazyka. In: V. I. Podlesskaya, A. V. Arkhipov, Yu. A. Lander (red.). Chetvyortaya tipologicheskaya shkola: Mezhdunarodnaya shkola po lingvistsheskoi tipologii i antropologii. Erevan, 21—28 sentyabrya 2005 g. Materialy leksii i seminarov. Moskva: RGGU, 2005. S. 171—177. {P. V. Iosad, A. G. Pazel'skaya, M. A. Tsyurupa. Typologically relevant parameters of verbal lexicon: Nenets imperfectivizing derivations. In: V. I. Podlesskaya, A. V. Arkhipov, Yu. A. Lander (eds.). Fourth school on typology: International school on linguistic typology and anthropology. Yerevan, 21—28 September, 2005. Lectures and seminars. Moscow: Russian State University for the Humanities, 2005. P. 171—177.}
- Janic 2013 — K. Janic. L'antipassif dans les langues accusatives. PhD thesis. Université Lumière Lyon 2, 2013.
- Janic, Witzlack-Makarevich 2021 — K. Janic, A. Witzlack-Makarevich. The multifaceted nature of the antipassive construction. In: K. Janic, A. Witzlack-Makarevich (eds.). Antipassive: typology, diachrony, and related constructions. Amsterdam: John Benjamins, 2021. P. 1—39.
- Janic, Witzlack-Makarevich (eds.) 2021 — K. Janic, A. Witzlack-Makarevich (eds.). Antipassive: typology, diachrony, and related constructions. Amsterdam: John Benjamins, 2021.

Khanina, Shluinskii 2019 — O. V. Khanina, A. B. Shluinskii. Sistema form s referentsiei k budushchemu v enetskom yazyke. In: Tomskii zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovanii. 2019, 1. S. 83—96. {O. V. Khanina, A. B. Shluinsky. Future reference forms. In: Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology. 2019, 1. P. 83—96.}

Khanina, Shluinsky 2023 — O. Khanina, A. Shluinsky. Forest and Tundra Enets. In: D. Abondolo, R.-L. Välijärvi. (eds.). The Uralic languages: 2nd ed. London: Routledge, 2023. P. 793—852.

Kibrik 1996 — A. A. Kibrik. Transitivity in lexicon and grammar. In: A. E. Kibrik (ed.). Godoberi. München: Lincom Europa, 1996. P. 108—147.

Kibrik 2003 — A. E. Kibrik. Konstanty i peremennye yazyka. Sankt-Peterburg: Aleteiya, 2003. {A. E. Kibrik. Constants and variables of language. St. Petersburg: Aletheia, 2003.}

Lazard 1989 — G. Lazard. Transitivity and markedness: the antipassive in accusative languages. In: O. M. Tomić (ed.). Markedness in synchrony and diachrony. Berlin: Mouton de Gruyter, 1989. P. 309—332.

Letuchii 2014 — A. B. Letuchii. Obobshcheniya, orientirovannye na iskhodnuyu tochku derivatsii vs. na produkt derivatsii, v opisani sintaksicheskikh protsessov. In: Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovanii. 2014. T. X, ch. 2. S. 292—330. {A. B. Letuchiy. Source-based generalizations vs. product-based generalizations in syntax. In: Acta Linguistica Petropolitana. Transactions of the Institute for linguistic studies. 2014. Vol. X, part 2. P. 292—330.}

Nikolaeva 2014 — I. Nikolaeva. A grammar of Tundra Nenets. Berlin: De Gruyter Mouton, 2014.

Paducheva 2001 — E. V. Paducheva. Kazativnyi glagol i dekazativ v russkom yazyke. In: Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii. 2001, 1. S. 52—79. {E. V. Paducheva. Causative verb and decausative in Russian. In: Russian Language and Linguistic Theory. 2001, 1. P. 52—79.}

Plungyan 2003 — V. A. Plungyan. Obshchaya morfologiya: Vvedenie v problematiku. Moskva: Editorial URSS, 2003. {V. A. Plungian. General morphology: Introduction to the problems. Moscow: Editorial URSS, 2003.}

Plungyan 2011 — V. A. Plungyan. Vvedenie v grammaticheskuyu semantiku: grammaticheskie znacheniya i grammaticheskie sistemy yazykov mira. Moskva: RGGU, 2011. {V. A. Plungian. Introduction into grammatical semantics: grammatical meaning and grammatical systems of the World's languages. Moscow: Russian State University for the Humanities, 2011.}

Polinsky 2013 — M. Polinsky. Antipassive Constructions. In: M. S. Dryer, M. Haspelmath (eds.). The World Atlas of Language Structures Online. Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology, 2013. <https://wals.info/chapter/108> (accessed on 2023-08-04).

Rappaport Hovav, Levin 1998 — M. Rappaport Hovav, B. Levin. Building verb meanings. In: M. Butt, W. Geuder (eds.). The projection of arguments: lexical and syntactic constraints. Stanford, CA: CSLI Publications, 1998. P. 97—134.

Sai 2008 — S. S. Sai. K tipologii antipassivnykh konstruksii: semantika, pragmatika, sintaksis. Dis. ... kand. filol. nauk. Sankt-Peterburg, 2008. {S. S. Say. Towards a typology of antipassive constructions: semantics, pragmatics, syntax. PhD thesis. St. Petersburg, 2008.}

Salminen 1997 — T. Salminen. Tundra Nenets inflection. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1997.

Salminen 1998 — T. Salminen. A morphological dictionary of Tundra Nenets. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1998.

Salminen 2017 — T. Salminen. Zаметки о типках spryazheniya v nenetskom yazyke. Doklad na Chteniyakh pamyati A. I. Kuznetsovoi. Otdelenie teoreticheskoi i prikladnoi lingvistiki, MGU imeni M. V. Lomonosova, 3—4 marta 2017 g. {T. Salminen. Notes on the conjugation types in Tundra Nenets. Talk at A. I. Kuznetsova Memorial conference. Department of theoretical and applied linguistics, Lomonosov Moscow State University, 3—4 March, 2017.}

Salminen 2023a — T. Salminen. Tundra Nenets sample sentence corpus. (Updated 4 September 2023.) https://www.mv.helsinki.fi/home/tasalmin/tn_corpus.html (accessed on 2023-09-21).

Salminen 2023b — T. Salminen. Tundra Nenets: a grammatical sketch. (Last updated 11 September 2023.) https://www.mv.helsinki.fi/home/tasalmin/TN_sketch.pdf (accessed on 2023-09-21).

Say 2021 — S. Say. Antipassive and the lexical meaning of verbs. In: K. Janic, A. Witzlack-Makarevich (eds.). Antipassive: typology, diachrony, and related constructions. Amsterdam: John Benjamins, 2021. P. 177—212.

Seržant et al. 2021 — I. A. Seržant, K. M. Janic, D. Dermaku, O. Ben Dror. Typology of coding patterns and frequency effects of antipassives. In: Studies in Language. 2021, 45 (4). P. 968—1023.

Shluinskii 2004 — A. B. Shluinskii. Aspektual'naya derivatsiya v nenetskom yazyke. Ekspeditsionnyi otchyot. Moskva, 2004. {A. B. Shluinsky. Aspectual derivation in Nenets. Expedition report. Moscow, 2004.}

Shluinskii 2005 — A. B. Shluinskii. Tipologiya predikatnoi mnozhestvennosti: kolichestvennye aspektual'nye znacheniya. Dis. ... kand. filol. nauk. Moskva, 2005. {A. B. Shluinsky. Typology of predicate plurality: quantity aspectual meanings. PhD thesis. Moscow, 2005.}

Shluinskii 2017 — A. B. Shluinskii. Vidovaya sistema enetskogo yazyka na fone russkoi: k tipologii slovoklassifitsiruyushchego vida. In: Voprosy yazykoznanija. 2017, 3. S. 24—52. {A. B. Shluinsky. Aspect system of Enets against the background of Russian: A case study of “classifying” viewpoint aspect. In: Voprosy Jazykoznanija. 2017, 3. P. 24—52.}

Siegl 2013 — F. Siegl. Materials on Forest Enets, an indigenous language of Northern Siberia. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 2013.

Sorokina, Bolina 2001 — I. P. Sorokina, D. S. Bolina. Slovar' enetsko-russkii i russko-enetskii. Sankt-Peterburg: Prosveshchenie, 2001. {I. P. Sorokina, D. S. Bolina. Enets-Russian and Russian-Enets dictionary. St. Petersburg: Prosveshchenie, 2001.}

Sorokina, Bolina 2009 — I. P. Sorokina, D. S. Bolina. Enetsko-russkii slovar'. Sankt-Peterburg: Nauka, 2009. {I. P. Sorokina, D. S. Bolina. Enets-Russian dictionary. St. Petersburg: Nauka, 2009.}

Spreng 2010 — B. Spreng. On the conditions for antipassive. In: Language and Linguistics Compass. 2010, 4/7. P. 556—575.

Stenin 2013 — I. A. Stenin. Imperfektiviruyushchie derivatsii i antipassivnaya konstruktziya v nenetskom yazyke. Doklad na konferentsii "Tipologiya morfosintaksicheskikh parametrov 2013". MGGU im. M. A. Sholokhova. Moskva, Institut yazykoznaniiya RAN, 16—18 oktyabrya 2013 g. {I. A. Stenin. Imperfectivizing derivations and an antipassive construction in Nenets. Talk at the conference "Typology of morphosyntactic parameters 2013". Sholokhov Moscow State University for Humanities. Moscow, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, October 16—18, 2013.}

Sumbatova 2013 — N. R. Sumbatova. Tipologicheskoe i diakhronicheskoe issledovanie morfosintaksisa (na primere yazykov darginzskoi gruppy). Dis. ... dokt. filol. nauk. Moskva, 2013. {N. R. Sumbatova. Typological and diachronic study of morphosyntax (based on the Dargwa languages). Habil. thesis. Moscow, 2013.}

Tatevosov 2011 — S. Tatevosov. Detelicization and argument supression. In: Linguistics. 2011, 49 (1). P. 135—174.

Tatevosov 2017 — S. G. Tatevosov. Struktura sobytiya i nenetskii glagol: zametki o aktantno-aksional'nykh svoistvakh Iterativa. In: Linguistica Uralica. 2017, LIII (3). S. 197—225. {S. G. Tatevosov. Event structure and the Nenets verb: Notes on the actionality and argument realization of the Iterative. In: Linguistica Uralica. 2017, LIII (3). P. 197—225.}

Tatevosov 2018 — S. G. Tatevosov. Sobytiino-strukturnaya morfologiya v nenetskom yazyke. In: Rhema. Rema. 2018, 3. S. 88—118. {S. G. Tatevosov. Event-structural morphology in Tundra Nenets. In: Rhema. Rema. 2018, 3. P. 88—118.}

Tereshchenko 1947 — N. M. Tereshchenko. Oчерk grammatiki nenetskogo (yurako-samoedzskogo) yazyka. Leningrad: Uchpedgiz, 1947. {N. M. Tereshchenko. An outline of the Nenets (Yurak-Samoyed) grammar. Leningrad: Uchpedgiz, 1947.}

Tereshchenko 1956 — N. M. Tereshchenko. Materialy i issledovaniya po yazyku nentsev. Moskva; Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1956. {N. M. Tereshchenko. Materials and studies in the Nenets people's language. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the Soviet Union, 1956.}

Tereshchenko 1965 — N. M. Tereshchenko. Nenetsko-russkii slovar'. Moskva: Sovetskaya Entsiklopediya, 1965. {N. M. Tereshchenko. Nenets-Russian dictionary. Moscow: Soviet Encyclopedia, 1965.}

Urmanchieva 2013 — A. Yu. Urmanchieva. Obrazovanie form aorista v samodiiskikh yazykakh. In: Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniy RAN. 2013. T. IX, ch. 2. S. 734—767. {A. Yu. Urmanchieva. Aorist formation in the Samoyedic languages. In: Acta Linguistica Petropolitana. Transactions of the Institute for linguistic studies. 2013. Vol. IX, part 2. P. 734—767.}

Vigus 2018 — M. Vigus. Antipassive constructions: Correlations of form and function across languages. In: Linguistic Typology. 2018, 22 (3). P. 339—384.

Wagner-Nagy 2018 — B. Wagner-Nagy. A grammar of Nganasan. Leiden: Brill, 2018.